

ЧАСТЬ II
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

ВВЕДЕНИЕ

К 2007 г., наряду с укреплением позиций России в мире, в международно-политическом развитии выявились некоторые устойчивые тенденции, которые потребуют более четкого, экспертно выверенного и сориентированного на долгосрочную перспективу подхода к позиционированию страны.

Проблемы, с которыми столкнется мир и Россия в 2007 г., обусловлены в первую очередь неразрешенностью основных проблем международной безопасности. В повестке дня 2007 г. остаются: Ирак, Иран, Северная Корея, ближневосточные конфликты, Афганистан, международный терроризм, непризнанные государства, замороженные конфликты.

Фактический провал военной операции США в Ираке послужил основной причиной проигрыша республиканцев на промежуточных выборах в конгресс. В американской внешней, да и внутренней (учитывая приближающиеся президентские выборы) политике на обозримую перспективу остается лишь одна проблема—Ирак. Все политически релевантные сценарии в той или иной форме предполагают уход США из этой страны, что означает признание несостоятельности стратегии привнесения в регион демократии силой оружия. Но одновременно это с высокой степенью вероятности означает дальнейшую дестабилизацию в «расширенном Ближнем Востоке»: углубление предпосылок и снятие ограничений для тлеющих и горячих конфликтов (Ирак, Израиль-Палестина, Ливан); расширение поля деятельности исламских экстремистов; сужение набора инструментов международного давления на Иран с целью свертывания его ядерной программы.

Создавшаяся ситуация дает основания предполагать, что в 2007 г. начнется перефокусировка внешней политики США, по сути сдающих позиции на Ближнем Востоке. Постепенный отход от стратегии «унилатерализма» (односторонности) будет выражаться в более активном взаимодействии с европейскими союзниками (в том числе за пределами Европы – как, например, по линии НАТО в Афганистане). Можно ожидать и более широкого использования многосторонних механизмов для решения проблем международной безопасности (прежде всего Совета Безопасности ООН, а также и имеющихся международных форматов по Ирану и Северной Корее).

Перед Россией в таких условиях открываются возможности усилить свою роль в решении указанных проблем. Ее политический потенциал в плане выполнения посреднических функций (как в вопросе о контактах и переговорах с ХАМАС) позволяет рассчитывать на определенное укрепление позиций России – как на Ближнем Востоке, так и вообще среди ведущих мировых держав. Важно умело использовать этот потенциал – причем таким образом, чтобы у других действующих лиц заинтересованность в конструктивном поведении Москвы оказалась более весомым фактором, нежели опасения касательно усиления роли России.

В 2006 г. для взаимоотношений России с Западом складывались достаточно благоприятные объективные обстоятельства. Россия председательствовала в «большой восьмерке» и уже только по этой причине могла не только выступать «на равных» во взаимоотношениях с грандами мировой политики, но и играть инициативную роль в определении повестки дня этих взаимоотношений. Благоприятным фактором было и председательство в Европейском Союзе Финляндии—страны, в политике которой взаимоотношениям с Россией традиционно уделяется повышенное внимание. К тому же эта эстафета передавалась в 2007 г. еще более расположенной к сотрудничеству с Россией Германией.

Саммит «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге стал значительным внешнеполитическим успехом России. Однако, как ни парадоксально, этот успех не стал определяющим фактором в ее взаимоотношениях с западными странами, не создал сколько-нибудь ощутимого «запаса

прочности» на будущее. В сущности, нового позитивного качества во взаимоотношениях с внешнеполитическими контрагентами на этом направлении не возникло.

Наиболее существенной причиной стало, как представляется, усиление общего негативизма в восприятии России и оценке ее действий. Этот негативизм воплощает в себе разнообразные мотивы, фобии и комплексы, но в самом широком плане в нем можно видеть реакцию на некоторые присущие российскому развитию тенденции:

- на усилившуюся экономическую дееспособность страны – которая временами перерастает в упоение от открывшихся возможностей использовать рычаги экономического давления во внешней политике;
- на возрождение ее политической самостоятельности – которую иногда понимают как возможность ни на кого не обращать внимания;
- на вновь обретенную уверенность в собственных силах – которая нередко переходит в вызывающую самонадеянность;
- на упоительное самоощущение великой державы – которое легко трансформируется в великодержавную спесь.

В восприятии России «со стороны» перестали делать скидку на «переходный период» - коль скоро с момента смены режима прошло уже полтора десятилетия. «Новая Россия» уже не формируется – она состоялась. Она воспринимается как страна, которая твердо уверена: во взаимоотношениях с внешним миром безусловный приоритет принадлежит отстаиванию своих собственных интересов; их понимание вытекает из логики «естественного эгоизма», которая затмевает любые рассуждения о солидарности, ответственности, достоинстве и т.п.; в защите своих интересов силовое давление является не просто «нормальным», но зачастую и предпочтительным средством...

Упреки по поводу такого внешнеполитического кода неуместны, но его жесткая, наступательная и, тем более, вызывающая реализация как раз и способна создать о стране крайне неблагоприятное впечатление. Так произошло с отношением к США после 2001 г., когда возникший на волне солидарности и симпатий в связи с террористическими атаками потенциал поддержки американской политики оказался исчерпанным на протяжении всего лишь нескольких лет. Так может произойти сегодня и с Россией. Показательно, что, несмотря на усилия, предпринимаемые с целью создать позитивный образ страны за рубежом, тема недоверия и даже страха перед ней стала постоянной в западных средствах массовой информации. Сюда добавляется и негативная трактовка внутривнутриполитических процессов в России.

Не удивительно, что на этом фоне оказываются возможными достаточно серьезные сбои. Это, к примеру, произошло во взаимоотношениях с Европейским Союзом, которые, между тем, не раз определялись как один из ключевых приоритетов российской внешней политики. Однако сторонам не удалось определить формат и начать переговоры по новому базовому документу между Россией и Европейским Союзом, который надо было бы подписать уже 2007 г. по причине истечения срока действия существующего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Зависимость Европы от поставок энергетических ресурсов из России стала не фактором сближения, а источником растущих опасений с одной стороны и раздражения – с другой.

Эффективно использовавшаяся Россией в течение длительного времени политика опоры на индивидуальные связи со странами – членами ЕС в 2006 г. дала серьезный сбой. Исключительно выгодное (как полагали в Москве) предложение Германии выступить в роли главного партнера России по распределению в Европе газа было отклонено, равно как и идея создания трехстороннего энергетического альянса России, Франции и Германии. После чего

двумя последними было подписано соглашение об энергетическом сотрудничестве, а Европейский Союз в целом приступил к разработке своей собственной энергетической политики. В известном смысле российская активность послужила одним из стимулов к намечающейся консолидации в европейском политическом пространстве, но не сделала Россию участником этой консолидации.

Между тем вероятность большего взаимодействия США с союзниками может привести к переформатированию международно-политической ситуации в Европе, что ставит Россию перед серьезными вызовами адаптации к новой обстановке, особенно значимыми на фоне стагнации в ее отношениях с Европейским Союзом. Усиление последнего как самостоятельного политического центра силы в условиях однополярного мира и американского лидерства не тождественно его консолидации в условиях возможного сближения с Соединенными Штатами. Это требует внесения существенных коррективов в глобальную картину мира, в представления о возможных и желательных для России способах взаимодействия с ним.

Еще одним полем, на котором Россию ожидают серьезные вызовы в 2007 г., является постсоветское пространство. Здесь она столкнется с дальнейшей диверсификацией внешнеполитических устремлений партнеров по СНГ и проблемой «замороженных конфликтов». Развивая отношения с другими странами СНГ преимущественно на двусторонней основе, в 2007 г. Москва будет вынуждена также реагировать на наметившуюся тенденцию к образованию ими мини-коалиций «по интересам» – которые пока выявляются через попытки ослабить реальное или эвентуальное давление России, прежде всего в энергетической сфере.

Одним из ответов России на вызовы нового мира, обретающего все более многополюсный характер, становится формирование и/или углубление политических и торгово-экономических контактов, в ряде случаев масштабных, с отдельными государствами в Азии, Африке, Латинской Америке (Вьетнамом, Индией, ЮАР, Венесуэлой). Курс на активное «возвращение России» на международную сцену за пределами ее непосредственного окружения очевидно, будет продолжен и в 2007 г.

На тактическом уровне может получить развитие и практика «больших разменов». Ее наглядным примером в 2006 г. стало сделанное В.Путиным на неофициальном саммите ЕС – РФ в Лаахти (Финляндия) заявление о поддержке Россией принципа уважения целостности государств – в контексте достигшего очередного своего пика российско-грузинского кризиса. Сигнал был послан через ЕС как США, так и Грузии – и услышан ими (в Тбилиси не только снизили тон полемики с Россией, но и пошли на кадровые перестановки в руководстве страны; в Вашингтоне внесли коррективы в позицию по обсуждаемой Советом Безопасности ООН проблеме Северной Кореи, а через некоторое время сняли последние возражения против вступления России в ВТО).

Применительно к 2007 г. неоднозначно складываются российские перспективы касательно международных организаций (в которых страна участвует или с которыми сотрудничает). Российский скептицизм в отношении ОБСЕ высказан более прямолинейно, чем когда-либо раньше, и это ставит под вопрос будущее данной структуры. В деятельности Совета Россия – НАТО возник определенный застой, и предпосылок для его преодоления в 2007 г. не просматривается. На этом фоне очевидным прорывом стал выход на финишную прямую к членству России в ВТО.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Пейзаж после битвы

Победа демократов на промежуточных выборах в конгресс в ноябре 2006 года предопределяет многие важные особенности внешней и внутренней политики США в 2007 году. По сути дела, демократам удалось превратить эти выборы в своеобразный референдум относительно политики США в Ираке. Жесткая критика иракской войны стала главной предвыборной картой, которую успешно разыграли демократы, апеллируя к естественному чувству усталости большинства американцев от войны как таковой, и, что еще важнее, к их растущей уверенности в бесперспективности американского военного присутствия, которое не может остановить нарастающую в Ираке гражданскую войну и угрозу терроризма. Действительно, опросы общественного мнения накануне выборов показали, что 61 процент американцев выступают против войны в Ираке, а 56 процентов считают, что она сделала США более уязвимыми перед террористической угрозой. Это признал и президент Дж. Буш, заявив «Я осознаю, что многие американцы голосовали прошлой ночью для того, чтобы зафиксировать свое недовольство отсутствием прогресса в Ираке» (The Financial Times. November 9, 2006).

Новое соотношение сил между администрацией и конгрессом неизбежно приведет к необходимости вырабатывать по основным внешнеполитическим вопросам позиции, устраивающие как Белый дом, так и Капитолий. Иными словами, внешняя политика США будет иметь «двухпартийный» характер. При этом расхождение мнений будет происходить далеко не только между двумя партиями, но и между различными группами внутри каждой из них. В итоге, вполне вероятно возникновение сложных и нестандартных ситуаций, например, в результате формирования консервативной коалиции, состоящей из части демократических конгрессменов и их многих республиканских коллег. Кроме того, у победившей на выборах демократической партии (как, впрочем, и у администрации) нет пока ясной и глубоко проработанной позиции по большинству внешнеполитических вопросов. Нельзя исключать, что отставка Дональда Рамсфельда означает не просто тактический ход администрации, предназначенный для того, чтобы отвести от президента критику конгресса за фактический провал на Ближнем Востоке, но начало поиска новой стратегической линии, учитывающей уроки иракской войны.

В итоге, в 2007 году главные усилия как демократов, так и республиканцев, рассчитывающих на победу на президентских выборах 2008 года, будут сосредоточены на выработке новой или обновленной стратегической концепции американской внешней и военной политики. В центре внимания как практических ведомств, так и аналитиков, близких к обеим партиям, будут поиски решений наиболее острых проблем – ухода из Ирака, стабилизации в Афганистане, пресечения иранской ядерной программы и денуклеаризации КНДР. Важное место в повестке дня американской внешней политике будут, как и прежде занимать проблемы отношений с Китаем, с союзниками по НАТО, а также с Россией. Вероятно появление новой группы проблем, порожденных усилением левых тенденций в Латинской Америке, одним из проявлений которых стала победа сандинистов во главе с Даниелем Ортегой на выборах в Никарагуа. Это, бесспорно, усиливает радикальный антиамериканский блок, состоящий из Венесуэлы, Кубы и Боливии.

Основное внимание политических и академических кругов Вашингтона будет сосредоточено в 2007 году, с одной стороны, на предвыборных комбинациях, а с другой - на анализе мировой ситуации, результатов и последствий американской политики в предшествующие годы. Поэтому можно ожидать, что внешняя политика США будет иметь во многом пассивный характер, стремиться, прежде всего, не допустить обострения существующих и появления новых острых проблем. Лидеры демократов будут, естественно, резко критиковать конкретные ошибки и провалы внешней политики республиканской

администрации, но вместе с тем в массе своей будут занимать осторожные позиции по принципиальным, стратегическим проблемам, особенно когда эти проблемы затрагивают интересы влиятельных государственных ведомств и крупных корпораций. Так, Хилари Клинтон, одна из наиболее очевидных и вероятных претендентов на пост президента от демократической партии, в свое время голосовала за войну в Ираке и всячески стремится укрепить свои отношения с американскими военными. Да и в целом, лидеры демократов понимают, что в случае победы в 2008 году решение тяжелейших проблем ляжет на их плечи, тогда как реальных рецептов такого решения у них нет и, по крайней мере, еще в течение нескольких месяцев не будет.

Вместе с тем нельзя исключать, что в условиях приближающихся президентских выборов Белый дом может пойти на неожиданные радикальные акции в отношении иракской или иранской проблемы с тем, чтобы переломить настроения избирателей и выбить важные козыри из рук демократов.

Возможно, хотя пока и маловероятно, нарастание в США своего рода «иракского синдрома», аналогичного в чем-то вьетнамскому синдрому, поразившему Соединенные Штаты в 70-е годы после проигранной войны в Юго-Восточной Азии. В этом случае в США усилятся изоляционистские настроения, главное внимание будет уделяться обеспечению внутренней безопасности, созданию эффективной противоракетной обороны и другим мерам, призванным оградить американское общество от внешних угроз и проникновения исламских и левых террористических элементов. Активность США, в том числе военно-политическая, на мировой арене может заметно снизиться. В результате международная безопасность может ослабнуть. Несмотря на фактический провал в Ираке, Соединенные Штаты являются сегодня единственной державой, способной с помощью военной силы разгромить экстремистские режимы, создающие реальную угрозу мировому сообществу на глобальном или региональном уровнях.

Ирак

Ирак останется в 2007 году главной внешнеполитической проблемой США. До тех пор, пока не будет найден выход из иракской ситуации, у Вашингтона не будет ни политических, ни военных ресурсов для того, чтобы всерьез подойти к другим, не менее важным и острым вопросам, стоящим перед Америкой на мировой арене. Между тем, количество таких вопросов увеличивается. В южных провинциях Афганистана укрепились и активизировались не разгромленные до конца в 2001-2002 годах группировки талибов и ячейки аль-Каиды. Израиль не смог разгромить одну из наиболее опасных ближневосточных террористических организаций – Хизболлу. Иранское руководство демонстративно продолжает ядерную программу. Наконец, ядерное испытание в КНДР чревато серьезным осложнением обстановки в Северо-Восточной Азии.

Президент Дж. Буш отрицает возможность принципиальных изменений американской политики в отношении Ирака. Однако симптоматично, что в середине ноября 2006 года Белый дом распорядился свести воедино аналитические разработки и предложения, готовящиеся или уже подготовленные различными правительственными ведомствами и представить президенту обобщенный обзор ситуации в Ираке и возможностей ее решения. Серьезное внимание привлекает деятельность «исследовательской группы» по Ираку, которую возглавляют один из патриархов американской внешней политики, близкий к отцу нынешнего президента Джеймс Бейкер и видный деятель демократической партии Ли Гамильтон.

В настоящее время в США нет недостатка в предложениях относительно решения иракской проблемы. Однако все они, по сути, сводятся к нескольким следующим вариантам. Первый –

уход из Ирака. Этот вариант довольно популярен среди лидеров демократов, хотя его не исключают и в близких к нынешней администрации кругах. В частности, Фред Икле, идейный наставник многих нынешних сторонников жесткой линии в области обороны и безопасности, член Комиссии министерства обороны по вопросам оборонной политики, заявил, например, что «огромные и невероятные ошибки в Ираке могут привести к тому, что нам придется отсюда уйти. Однако, если мы сможем уйти правильно, то это не сделает США более уязвимыми, но может ухудшить положение наших джихадистских противников, убивающих друг друга» (The Financial Times. Nov. 24, 2006). В этой позиции есть своя логика, поскольку после ухода войск международной коалиции из Ирака столкновения радикальных суннитских и шиитских группировок усилятся. В итоге экстремисты с той и с другой стороны истощат свои силы в кровопролитной борьбе друг с другом, а умеренные, ориентирующиеся на США круги усилят свое влияние и смогут взять ситуацию под контроль.

Другой вариант – раздел Ирака на три государства: суннитское в центре страны, шиитское на юге и курдское на севере. Его поддерживает, в частности, видный американский политик Джозеф Байден. Для многих американцев эта идея является весьма привлекательной, поскольку позволит быстро вывести войска из Ирака. Вместе с тем, результатом раздела страны будет существенное обострение гражданской войны, массовые этнические (точнее – этно-религиозные) чистки. Острота ситуации будет усугубляться борьбой за районы нефтедобычи, сосредоточенные, главным образом на юге и на севере страны. Существенно изменится вся стратегическая архитектура региона.

В случае появления де-юре независимого Курдистана, он, скорее всего, станет центром притяжения для курдов, проживающих в Турции и Иране. Такой сценарий, соответственно, вызовет серьезное сопротивление главного американского союзника в регионе – Турции. Многие считают, что может заметно усилиться влияние Ирана в южной, населенной шиитами части бывшего Ирака, что никоим образом не соответствует интересам США. Одним из наиболее влиятельных противников такого варианта, как и ухода США из Ирака выступает ЦРУ, аргументируя это тем, что, во-первых, в результате в западном Ираке будет создана мощная база международного терроризма радикального исламского толка, а во-вторых, резко усилятся позиции Ирана в условиях, когда военная операция против Ирана может обрести реальные очертания. Правда, шиитские лидеры южного Ирака совсем не обязательно захотят превращаться в тегеранских наместников или марионеток. В этом случае они могут оказаться полезными США в последующих операциях против Ирана.

Третий вариант, за который выступает сегодня американское военное ведомство и часть политической элиты – не уход из Ирака, а усиление американского военного присутствия. Предлагается развернуть в Ираке дополнительно около 20 тысяч военнослужащих, укрепить институт американских советников в формируемой иракской армии и силах безопасности, передислоцировать наиболее боеспособные иракские части и войска международной коалиции в районы самых острых столкновений. Усиление военной компоненты операции в Ираке, как считают многие американские политики и аналитики, должно сопровождаться наращиванием политических усилий. При этом все чаще говорится о необходимости привлечения к решению иракской проблемы Сирии и Ирана – правда, в рамках широкой международной конференции или иной многосторонней структуры, с тем, чтобы избежать прямых официальных переговоров с режимами, относимых Вашингтоном к числу наиболее одиозных и опасных международных субъектов.

Впрочем, по некоторым сведениям, попавшим в прессу, американское руководство может попытаться найти некое комплексное решение иранской и иракской проблем: согласиться на приемлемый для Тегерана вариант решения иранской ядерной проблемы в обмен на содействие со стороны Тегерана стабилизации в Ираке. Неясно, правда, в какой мере иранское руководство способно эффективно воздействовать на иранские шиитские

экстремистские группировки с тем, чтобы убедить их отказаться от насильственных методов политического противоборства.

Нельзя исключать, однако, и совершенно иной вариант: сформированный уход США из Ирака, поскольку гражданское насилие и хаос в этой стране сами по себе не несут им прямой угрозы и концентрация ресурсов для силового решения иранской проблемы, причем «по максимуму»: ликвидация не только иранского ядерно-ракетного потенциала, но и исламского режима, что могло бы кардинально изменить в пользу США и умеренных арабских режимов всю стратегическую структуру Ближнего Востока.

Иран

Глубокая вовлеченность США в иракскую головоломку существенно сокращает возможности Вашингтона активно противодействовать осуществлению иранских ядерных амбиций. Линия США в отношении иранской проблемы в 2006 году существенно изменилась. Белый дом готов к серьезным переговорам с иранским руководством, хотя и в составе группы государств, и к реальным уступкам. Вашингтон занял сравнительно умеренную позицию по вопросу о санкциях, которые должны были быть введены против Ирана, не подчинившегося решению Совета Безопасности ООН и не прекратившего обогащение урана.

Можно предположить, что главным, фактором этой линии является неготовность к военному решению. Нынешняя администрация чувствует себя недостаточно уверенно для того, чтобы в сложившейся ситуации начать еще одну большую войну на Ближнем Востоке. При этом необходимо выработать такие стратегию и тактику ведения войны, которые свели бы к минимуму возможность иранского «асимметричного ответа». И, наконец, Вашингтон понимает, что необходимо предельно тщательно готовить не только военную, но и политическую сторону операции. Все это требует немалого времени. В этих условиях, военная операция против Ирана в 2007 году представляется маловероятной.

Тем не менее, для Соединенных Штатов ядерный Иран неприемлем ни при каких обстоятельствах. Поэтому в 2007 году американская стратегия, скорее всего, будет состоять в том, чтобы максимально замедлить осуществление иранской ядерной программы, используя дипломатические и экономические рычаги, действуя в рамках МАГАТЭ, ООН, «группы восьми» и других международных организаций, а также на двустороннем уровне. Важным направлением американской политики может стать поддержка тех элементов в иранском истеблишменте, которые готовы к компромиссному решению проблемы. Можно также с уверенностью предположить, что будет продолжаться разработка планов военной операции против Ирана, подготовка военных и политических плацдармов для этой операции, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке, в Пакистане, а также в каспийском бассейне.

Отношения с союзниками

Отношения с союзниками по НАТО и с Японией будут рассматриваться как имеющие принципиально важную роль для внешней политики США. В Вашингтоне, судя по всему, учли уроки трансатлантического кризиса 2003-2004 годов. Там также осознают необходимость содействия европейских государств в разрешении иракского кризиса и, особенно, в противодействии иранским ядерным амбициям весьма важно. Так, ЕС, по сути дела, взял на себя главную роль в переговорах с Тегераном. НАТО отвечает за операцию “Enduring freedom” в Афганистане, высвобождая, хотя и частично, американские военные и политические ресурсы для решения других актуальных проблем безопасности в регионе. При этом наиболее острые противоречия между США и их европейскими союзниками,

связанные с иракской войной и другими событиями на Ближнем и Среднем Востоке, в целом сняты. Усиление влияния демократов, традиционно выступавших за многосторонний подход к решению международных проблем, будет, скорее, содействовать более глубокому сотрудничеству США и европейских государств.

Китай и Индия

Победа демократов на промежуточных выборах и контроль ими как палаты представителей, так и сената может усложнить в 2007 году американо-китайские отношения. Многие лидеры демократического большинства в конгрессе всегда с подозрением относились к Китаю и симпатизировали Тайваню. Так, Томас Лантос, который может возглавить комитет по международным отношениям конгресса, часто отзывался о Китае как об «источнике проблем» (troublemaker), а Шерод Браун, со-основатель Congressional Taiwan Caucus (закрытого совещания членов конгресса по тайваньскому вопросу) был избран сенатором. Спикером палаты представителей избрана Ненси Пелоси, известная своими критическими оценками нарушения прав человека в Китае и перекосями в американо-китайской торговле. В целом, в отличие от республиканцев, демократы намного более тревожно воспринимают растущий быстрыми темпами дефицит США в торговле с КНР, превысивший в 2006 году 180 миллиардов долларов.

С учетом новой расстановки сил в высшем американском политическом эшелоне, линия США в отношении Китая будет в 2007 году более сдержанной в геополитическом плане и более жесткой в экономическом отношении.

Вместе с тем американская политика в Азии в 2007 году и, скорее всего, в дальнейшем будет нацелена на постепенное создание условий и предпосылок для политического, экономического, а в перспективе, возможно, и военного сдерживания Китая на основе стратегического партнерства с Индией. Об этом свидетельствует одобрение подавляющим большинством сената соглашения с Индией по ядерным проблемам, согласно которому США будут поставлять Индии ядерное топливо для АЭС и гражданские ядерные технологии. Большинство аналитиков и комментаторов рассматривают это соглашение, как начало или предпосылку глубокого стратегического сотрудничества двух государств, в основе которого лежит совместное противодействие Китаю.

Корейская ядерная проблема

Ракетные и ядерные испытания, проведенные КНДР летом-осенью 2006 года, добавили еще одну трудную проблему для американской внешней политики. Вовлеченность США в Ираке и на Ближнем Востоке в целом вряд ли позволит Вашингтону провести военную операцию против КНДР, особенно учитывая, что против такой операции выступают Китай, Южная Корея и Россия. Линия США в отношении северокорейской ядерной проблемы будет, скорее всего, включать в себя следующие элементы:

- Укрепление уверенности Японии и Южной Кореи в надежности американского «расширенного сдерживания» и американских гарантий безопасности.
- Содействие Японии, а в перспективе, возможно, и Южной Корее в создании эффективных систем противоракетной обороны, способных нейтрализовать северокорейский ракетный потенциал.
- Политическое и дипломатическое взаимодействие с Китаем, руководство которого крайне раздражено действиями Пхеньяна. В качестве одного из аргументов, который будет использоваться американской дипломатией, будет указание на то, что если северокорейская

ядерная программа не будет остановлена и ликвидирована, то Япония примет решение о создании ядерного оружия. Последнее является для Пекина крайне нежелательным.

- Давление на КНДР по линии ООН, других международных организаций с целью политической и дипломатической изоляции Пхеньяна, предотвращения передачи Северной Кореей ядерных материалов и технологий экстремистским группам и режимам.
- Продолжение экономических санкций, в том числе блокирование банковских счетов высшего руководства КНДР в зарубежных банках.

Отношения с Россией

Отношения с Россией будут занимать в 2007 году сравнительно незначительное место в системе приоритетов американской внешней политики. Действия Москвы в отношении Грузии и ряда других новых независимых государств; ее отказ ратифицировать Договор об Энергетической хартии; российская позиция по иранской и северокорейской ядерным проблемам – все это вызывает в Вашингтоне сомнения касательно конструктивного партнерства с Россией в решении тех вопросов, которые вызывают в США наибольшие опасения.

Вместе с тем США в 2007 году постараются сохранить российско-американские отношения в неконфронтационных рамках. Причин для этого две. Во-первых, Вашингтон не заинтересован в расширении круга сложных и конфликтных проблем, с которыми ему предстоит иметь дело. Во-вторых, по двум из них – иранской и северокорейской – США хотели бы по возможности получить поддержку России или, по крайней мере, сокращения российской поддержки действиям Тегерана и Пхеньяна.

В 2007 г. на отношения с Россией будет накладываться заметный отпечаток новая ситуация в Конгрессе. Среди демократов значительны критические настроения в отношении тенденций российского внутривластного развития, и это будет заметно снижать свободу маневра администрации на российском направлении. «Большие дебаты» по России вряд ли начнутся, но негативные коннотации относительно российской внутренней и внешней политики могут стать помехой даже в обсуждении рутинных вопросов.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Начало консолидации?

В 2006 – первом году этапа «размышлений» (объявленного после провала референдумов по Конституционному договору во Франции и Нидерландах) - в Европе появились признаки выхода из социально-экономического и политического кризиса. Перефразируя известную формулу А.М.Горчакова, можно сказать – «Европа сосредотачивается». При этом она активно использует внешнеполитические и внешнеэкономические инструменты: семь из восьми приложений к Заключениям июньского саммита Европейского Совета (15-16 июня 2006 г.), который подвел первые итоги реализации стратегии преодоления кризиса Сообщества, относились к усилению международной активности Евросоюза.

Позитивным сдвигам, с одной стороны, способствовали объективные экономические факторы: высокие темпы экономического роста новых членов «подстегнули» общую экономику ЕС, что, в частности, способствовало укреплению евро как мировой валюты.

С другой стороны, Евросоюз начал целенаправленный пересмотр тех направлений и аспектов своей политики, которые, собственно, и вызвали кризис. Шок, связанный с нератификацией Конституционного договора, заставил Брюссель искать такие формы

изменения документа, чтобы обеспечить его ратификацию к 2009 г. Важным элементом политики Брюсселя в этом направлении становятся усилия с целью преодолеть общественную и национальную отчужденность и фрустрацию. Повышение прозрачности различных звеньев политического процесса, включая открытие для общественности обсуждений большинства законопроектов в Совете и Комиссии ЕС, регулярное проведение публичных дебатов по проблемам, касающимся жизненных интересов Евросоюза и его граждан, налаживание «обратной связи» общество – власть, национальные государства – наднациональные органы управления.

Евросоюзом частично сняты ограничения на передвижение услуг из стран – новых членов в старые. (Правда, через несколько лет это может привести к дефициту квалифицированной рабочей силы в Польше, Чехии, Венгрии и др.). Под давлением конкуренции – прямой угрозы потери рабочих мест, перевода производств – со стороны социально менее требовательных новых членов и бурно развивающихся неевропейских стран, прежде всего Китая, и одновременно углубляющегося социально-демографического кризиса Евросоюз вынужден искать пути повышения своей конкурентоспособности.

В связи с трудностями на переговорах в ВТО, Евросоюз активизировал связи с другими интеграционными объединениями – АСЕАН, МЕРКОСУР.

Тем не менее, Евросоюз прикладывает все усилия, чтобы сохранить свой высокий социально-экономический уровень. В результате переориентации Лиссабонской стратегии ЕС на цели устойчивого развития, экономический рост в увязке с повышением занятости, ко второму кварталу 2006 г. занятость в ЕС выросла на 1,8 млн. человек. Повысить конкурентоспособность союза в глобализирующейся экономике Брюссель намерен за счет повышения уровня технологий, инноваций. Доля расходов на фундаментальные исследования и инновации в совокупном ВВП ЕС уже к 2010 г. должна быть повышена до 3 % (т.е., примерно до уровня США и Японии). Предполагается, что инновационный рывок ЕС будет реализован за счет укрепления частно-государственного партнерства.

Проблемы, вызванные последним расширением ЕС, не преодолены, сохраняются различия между интересами старых и новых членов. Но замечен и определенный прогресс. В странах Центральной Европы постепенно проходит шок от вступления в ЕС. Они более трезво и прагматично оценивают свои интересы в союзе и пока откладывают вступление в зону евро (Чехия до 2009 г.), что в целом соответствует и интересам Брюсселя, стремящегося застраховаться от финансовых катаклизмов. (Так, в связи с высоким дефицитом платежного баланса некоторые аналитики не исключают возможности финансового кризиса в странах Балтии и Хорватии). В то же время Брюссель откладывает вхождение стран ЦЕ в шенгенскую зону, хотя последние настаивают на этом.

Амплитуда колебаний «еврооптимизм» - «евроскепсис» постепенно сокращается. Исключением является особая позиция руководства Польши, стремящегося путем неуступчивости по самым разным вопросам «повысить политическую капитализацию» страны в ЕС. Кульминацией такой стратегии стало ноябрьское вето на предоставление Еврокомиссии мандата на переговоры с Россией о новом соглашении РФ-ЕС. Нельзя не отметить в то же время усиливающуюся критику в адрес польского руководства со стороны умеренных политиков, в том числе бывших руководителей МИД. Она касается деструктивной позиции Качиньских по европейской интеграции и отношениям с европейскими лидерами в рамках т.н. «Веймарского треугольника» с Германией и Францией, раздуваемой право-националистической коалицией традиционной антигерманской фобии в стране. Первым серьезным поражением для правящей коалиции стали выборы мэра Варшавы.

В целом, в Европе-25 наметился новый расклад сил с заметным перевесом лояльных, евроориентированных, хотя и прагматичных членов над странами с гипер-доминированием национальных озабоченностей.

В то же время массовые беспорядки в Венгрии, правительственный кризис в Польше в 2006 году со всей очевидностью продемонстрировали, что членство в Евросоюзе (равно как и в НАТО) не является панацеей, гарантией против политических и социальных кризисов.

Во внешней политике ЕС наметилась большая консолидация. Силы быстрого реагирования ЕС выполняют миссии на Западных Балканах, в Конго. Едва наметившееся преодоление серьезных различий и противоречий между членами Евросоюза в данной области обусловлено, прежде всего, внешними факторами, главные среди которых: внешнеполитическое и внешнеэкономическое наступление России; усиление позиций Китая, Индии. Не столь однозначно на европейский ландшафт могут повлиять первые признаки ослабления позиций США в мире.

Фактор США

Победа на выборах в Конгресс демократов, традиционно придающих большое внимание связям с Европой, создает предпосылки если не для ренессанса, то нормализации трансатлантических отношений.

Более явной позиция Вашингтона станет лишь после президентских выборов, однако в 2007 году Европа может ожидать «сигналов». Причем сигналов как в области внешней политики и безопасности, так и в экономической сфере. В экономике, прежде всего, в авиакосмической, военно-технической отраслях, конкуренция лишь ужесточается. Поэтому нельзя исключать, что более активное участие США в европейской политике будет сопровождаться попытками использовать новую ситуацию для укрепления позиций американских компаний.

Именно как такой сигнал, свидетельствующий о намерении Вашингтона перехватить контроль над европейской энергетикой, некоторые аналитики расценили заявление сенатора Р.Лугара на рижском (ноябрь 2006 г.) саммите НАТО о необходимости обеспечения энергетической безопасности членов альянса. (Напомним, что аналогичное предложение Польши о создании энергетического НАТО с аналогом V главы Вашингтонского договора поступило в марте-апреле 2006 г. и не было поддержано европейцами).

Однозначный ответ на вопрос, насколько консолидирующим для ЕС будет большее присутствие США в европейских делах, дать трудно. Нельзя исключить, что «фактор США» будет использоваться «новыми членами» ЕС (Балтией, Польшей) для отстаивания собственных интересов в Брюсселе. По-иному может строиться политика «старых членов»: нормализация отношений с Вашингтоном в интересах Берлина – но, видимо, не за счет ухудшения связей с Москвой. Вряд ли, более проамериканской станет после предстоящих в 2007 г. президентских выборов – независимо от их результата – позиция Франции.

В сложившейся ситуации можно предположить, что:

- бывший для европейцев в течение длительного времени в большей степени элементом «самоцензуры», т.е. заставлявший их действовать «с оглядкой» на Вашингтон, в 2007 году и далее фактор США может превратиться в активный компонент европейской политики;
- активность США в Европе, а также степень трансатлантической консолидации в значительной степени зависят от политики России, прежде всего в энергетической сфере.

Отношения РФ - ЕС

Предполагалось, что в 2006 г. будут заложены основы решения «проблемы 2007»: определен формат и начаты переговоры по новому соглашению РФ-ЕС. Расчет делался на стечение исключительно благоприятных обстоятельств – председательство России в «большой

восьмерке», президентство Финляндии в ЕС во втором полугодии, передачу в 2007 г. эстафеты еще более расположенной к сотрудничеству с Россией Германии.

Однако эти планы не были реализованы. Формально – из-за обструкции Польши, заветировавшей накануне осеннего саммита РФ-ЕС мандат Еврокомиссии на переговоры. По сути – из-за неготовности обеих сторон, из-за возросшего взаимного недоверия, прежде всего в энергетической сфере, но не только. Летом европейские страны воспротивились реализации планов Внешторгбанка, купившего 5 % акций EADS с прицелом на получение места в совете директоров в крупнейшем европейском авиакосмическом концерне, работающем также для военных.

Тема недоверия и даже страха перед Россией стала постоянной в европейской политике и СМИ. Часть экспертов объясняет это растерянностью в связи с тем, что Россия «слишком быстро», раньше, чем предполагали, вернулась в Европу.

В самом начале года первое неприятное впечатление на европейцев произвело снижение Москвой, из-за споров о цене на газ с Киевом, давления в украинском трубопроводе, по которому газ экспортируется в Европу. По крайней мере трижды провозглашенный президентом В.Путиным манифест «Энергетический эгоизм – это дорога, ведущая в никуда» ("The Wall Street Journal", 28 февраля, "The International Herald Tribune", 14 июля, "The Washington Times" 17 ноября 2006 г.) не восстановил доверия Европы и Запада в целом, особенно на фоне претензий, предъявленных крупнейшим энергетическим западным компаниям, работающим в России, кардинального изменения планов по разработке и использованию Штокмановского месторождения и твердого многократного отказа ратифицировать Договор об Энергетической хартии и Транзитный протокол к ней, по крайней мере, в их нынешнем виде.

Весенний успех Москвы – очень эффектные и эффективные предложения по двустороннему сотрудничеству в энергетической сфере, позитивно воспринятые прагматичными Венгрией и Чехией – не удалось повторить осенью. Выгодное – с точки зрения Москвы – предложение, сделанное Германией, выступить в роли главного партнера России по распределению в Европе газа, который будет поступать через Североевропейский газопровод, было отклонено, так же, как идея о создании трехстороннего энергетического альянса России, Франции и Германии. После чего двумя последними было подписано соглашение об энергетическом сотрудничестве.

В 2006 г. в традиционном раскладе сил в ЕС по критерию отношений с Россией (пророссийские – Германия, Франция, Италия; антироссийские – Польша и страны Балтии, нейтральные – Великобритания) произошли подвижки в сторону большей сдержанности первой группы.

В Германии не исключают «возврата к новой холодной войне» за ресурсы. По оценке немецких экспертов, одним из важных компонентов «глобальных трендов 2007» будет дальнейшее использование Москвой энергетического богатства России в целях восстановления статуса страны как ключевого игрока на мировой арене и энергетической сверхдержавы. Особенно после зимнего казуса с Украиной, который авторитетные немецкие профессора однозначно интерпретируют как политическое давление на «непослушную Украину», поставки энергии в Европу, по их мнению, подвержены риску. Эксперты опасаются также дальнейших «геостратегических маневров» России, направленных на создание, по их мнению, на основе ШОС «нового ОПЕК». Поэтому обеспечение энергетической безопасности должно стать приоритетом концепции безопасности ЕС. (Global Trends 2007. Bonn, 2006).

Чтобы найти взаимоприемлемую формулу для будущего нового соглашения РФ-ЕС, Евросоюз накануне осеннего саммита РФ-ЕС провел несколько встреч на различных

уровнях, а также неофициальный саммит руководителей стран – членов ЕС с В. Путиным в Лаахти. Однако, хотя на официальном саммите в Хельсинки были приняты важные для обеих сторон решения (об облегчении визового режима для граждан РФ, по оплате транссибирских перелетов европейскими авиакомпаниями), главное ожидаемое событие – старт переговоров по новому соглашению – не состоялось.

Тем временем ЕС разработал собственную энергетическую стратегию. На весну 2007 г. намечено одобрение Евросоветом Плана действий в рамках Энергетической политики для Европы, включающего внешнее измерение этой политики:

- применение для ее реализации инструментов ОВПБ и ОЕПБО,
- отражение ее мер в документе, который заменит СПС с Россией,
- использование механизма Европейской политики добрососедства (особенно с Алжиром),
- поддержку (с учетом экологического аспекта) инфраструктурных проектов для диверсификации путей энергетического импорта, развития возобновляемых энергоисточников.

Формирование единой Энергетической политики ЕС не завершено, но первые практические шаги по ослаблению энергозависимости от России уже сделаны. В ноябре-декабре 2006 г. ЕС договорился о существенном увеличении импорта газа из Алжира. Во время визита в начале декабря 2006 г. Н.Назарбаева состоялось подписание меморандума о сотрудничестве в области энергетики между ЕС и Казахстаном. Перед этим такой же меморандум был подписан ЕС с Азербайджаном. Речь идет о проекте строительства Транскаспийского газопровода для прямых поставок в Европу энергоносителей из стран Центральной Азии, участие России в котором пока не предусмотрено.

В итоге, эффективно использовавшаяся Россией в течение длительного времени политика с опорой на двусторонние связи со странами – ведущими членами ЕС в 2006 году дала первый серьезный сбой.

Наметившаяся консолидация ЕС будет развиваться в новой геополитической ситуации. С точки зрения российских интересов, усиление Европейского Союза как самостоятельного политического центра силы в условиях однополярного мира и американского лидерства не тождественно усилению ЕС в условиях его возможного сближения с Соединенными Штатами. Еще большее значение в новой ситуации приобретает растущая мощь Китая, который может как стимулировать формирование нового соотношения сил, так и уравновешивать его, с точки зрения России.

Европейская политика добрососедства и постсоветское пространство

В планах дальнейшего расширения ЕС по-прежнему сохраняется неопределенность. В 2007 г. членами ЕС станут Болгария и Румыния. На членство могут рассчитывать и названные кандидатами Хорватия и Македония. Членство Турции, особенно в связи с принятием Францией закона, требующего признания геноцида армян, по-видимому, откладывается на неопределенное время. Главным результатом ожидавшегося в ноябре доклада по «абсорбционным возможностям» ЕС стало предложение изъять это выражение из официального обращения и заменить его на термин «интеграционные возможности».

Хотя многие политики и политологи признаются, что у сегодняшнего руководства ЕС нет политической воли и желания расширяться за счет постсоветского пространства, видение Евросоюзом развития постсоветского пространства по-прежнему остается иным, нежели в России.

Пока неразрешимой проблемой остаются «замороженные конфликты», учитывая, что ЕС выступает за сохранение границ на постсоветском пространстве. Позиции ЕС по

неурегулированным конфликтам в СНГ, прежде всего в Приднестровье, явно расходятся с российскими. При этом согласно официальной российской позиции, Россия готова к партнерству с ЕС или его членами в национальном формате в урегулировании кризисов или конфликтов, где бы они не происходили («Независимая газета», 23 октября 2006 г.)

Тем не менее, европейская политика добрососедства остается действенным инструментом влияния Брюсселя. С помощью «планов действий» ЕС способствует реформированию законодательств подписавших их стран, адаптирует под свои стандарты, независимо от перспектив их вступления в Евросоюз. Так, весьма эффективно «план действий» работает на Украине, в партнерстве с которой ЕС больше всего заинтересован. При благоприятном развитии, как считают в ЕС, Украина сможет через несколько лет присоединиться к зоне свободной торговли в Европе (как Норвегия, не являющаяся членом ЕС). Возникающие при этом у Киева проблемы в отношениях с Москвой могли бы решаться в рамках реализации плана РФ – ЕС по созданию общего европейского экономического пространства, равно как и благодаря членству к тому времени России и Украины в ВТО. Однако это дело не близкого будущего.

Для существенного прогресса в отношениях России с Европейским Союзом необходимо преодолеть возникшее недоверие. Очевидно также, что пока обеими сторонами не будет найден взаимоприемлемый и обладающий институционально-правовым оформлением компромисс, устойчивый *modus vivendi*, в том числе и в энергетической сфере, прорыв вряд ли возможен. Официально Москва выражала готовность к подписанию юридически обязывающего документа, определяющего цели и принципы сотрудничества России и ЕС с приложениями в виде секторальных договоров. До середины 2007 года надежда на то, что обе стороны достигнут взаимопонимания по формату и конструкции нового соглашения, остается. В изменившейся ситуации подписание нового соглашения РФ-ЕС приобретает значительно более важный, не сводящийся к чисто техническим и формальным аспектам, стратегический характер. Без него отношения России с ЕС вряд ли станут более позитивными и предсказуемыми.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

В бурных событиях 2006 г. на Ближнем Востоке отразились не только дефицит политических подходов и идей, но и повышение идеологического градуса противостояния, побуждающего игроков добиваться своих целей средствами военного давления. Как представляется, нынешняя ситуация складывалась под воздействием ряда факторов.

Продолжалась фрагментация политического пространства – на региональной сцене активно действуют субъекты, отражающие интересы этнических, конфессиональных группировок, партий, общин, и имеющие собственные военные формирования. Прежде всего, это относится к исламистским группировкам радикального толка, но нельзя исключать также боевых отрядов светских организаций (например, «Бригады мучеников Аль-Аксы» в Палестинской автономии). Деятельность негосударственных субъектов приводит ко все менее предсказуемому развитию обстановки, порождает насилие, создает дополнительное напряжение по линиям регионального размежевания – через поддержку активистских организаций на конфликт оказывают непосредственное влияние различные внешние силы. В Ливане предоставляемая Тегераном и Дамаском военная помощь в значительной степени обеспечила боеспособность отрядов Хизбаллы, а экономическая поддержка Ирана направлялась на восстановление страны и социальные нужды, что способствовало на завоеванию доверия населения.

Иран в последние годы стал влиятельным игроком на ближневосточной арене и, судя по всему, намерен добиваться дальнейшего укрепления своих позиций с прицелом на роль лидера мусульманского мира и ослабление позиций Саудовской Аравии. Антиизраильская и антизападная риторика Ахмадинежада, особенно обострившаяся в 2006 г., была одним из факторов резкого роста нетерпимости на религиозной основе.

Исламистские организации позиционируют себя как альтернатива светскому руководству. Они являются порождением современности, и их лидеры нередко имеют практически тот же социальный профиль, что и те, кто поколением ранее агитировал за баасизм, насеризм и арабский социализм. Исламисты доказали свою способность проводить эффективную социальную политику и одновременно мобилизовывать население на продолжение борьбы. Решение о начале военных действий больше не зависит от сложившегося баланса сил. Радикальные группировки готовы вести постоянную войну с помощью относительно примитивных средств, не давая передышки противнику (исключением являются краткие периоды соблюдения перемирия). Возможность авиации и наземных сил регулярной армии противостоять ракетным обстрелам ограничена, что было доказано в ходе израильских военных операций в Ливане и Газе.

Главными источниками радикализации арабской улицы по-прежнему оставались ситуация на палестинских территориях и гражданская война в Ираке, но летом 2006 г. к ним прибавилась война Израиля против Хизбаллы в Ливане. Рост радикальных настроений представляет особую опасность для таких арабских режимов как египетский, иорданский, саудовский. Выборы 2007 г. в Иордании могут привести к существенному усилению в парламенте позиций исламистов.

Палестино-израильский конфликт

В 2006 г. на палестинских территориях изменился баланс политических сил. В январе в Газе радикальное исламистское движение ХАМАС одержало победу на демократических выборах. К власти в наиболее секулярном арабском обществе пришла организация, декларирующая своей целью не только продолжение войны с Израилем до победного конца, но и исламизацию этого общества. ХАМАС удалось создать определенную инфраструктуру, особенно в сфере образования, занятости, здравоохранения, что обеспечило этой организации массовую поддержку палестинского населения. Слабое коррумпированное светское руководство, представленное Фатхом, не смогло ничего противопоставить исламистам.

Лидеры ХАМАС сумели «приватизировать» военное сопротивление и легко доказали своим избирателям, что без организованного ими давления на Израиль, в том числе с помощью террористических действий на израильской территории, эвакуация армии и поселений из Газы не могла бы иметь место. Хамасовцы получили дополнительные шансы на победу в ситуации, когда политический процесс находился в тупике и не давал результатов. «Четыре года борьбы дали больше, чем десять лет переговоров» – вот с какими лозунгами они начали свой победный парламентский марафон.

ХАМАС не признает легитимность Израиля, подписанных ранее договоренностей с ним, считает законными все методы борьбы и т.п. Вместе с тем, это не означает, что участие его деятелей в политических переговорах полностью исключается. ХАМАС не может выступить с открытым признанием Израиля, но обозначившиеся в конце 2006 г. возможности преодоления разногласий с Фатхом и создания правительства национального единства во главе с человеком, не принадлежащим ни к одной из политических сил, могли бы обеспечить продвижение в этом направлении, создавая шанс для международных посредников.

Это особенно актуально в отсутствии политического процесса и сохраняющегося высокого уровня военной напряженности. Планы «свертывания» на Западном берегу были похоронены в результате израильской военной операции в Газе летом 2006 г. после похищения израильского капрала Шалита. Несмотря на наличие в Израиле высокоточного оружия, армия продемонстрировала неспособность уничтожить примитивные ракеты Кассам, которые производятся в кустарных условиях в слесарных мастерских в Газе.

Военные операции в Газе должны были утешить палестинцев и продемонстрировать израильскому населению готовность правительства обеспечить его безопасность. Невозможность решить задачу только с помощью военной силы очевидна всем. Гибель мирного палестинского населения вызывает международное осуждение Израиля. На этом фоне обстрелы кассами израильской территории выглядят куда менее впечатляющими, поскольку не влекут за собой больших жертв. Последнее объясняется не безобидностью обстрелов, а системой бомбоубежищ.

Действия израильских политиков и военных выглядят как лишённые стратегической перспективы, как реакция на обстрелы при отсутствии долгосрочных планов. Напряжённость в палестино-израильском конфликте, судя по всему, сохранится и в следующем году, если только под международным воздействием не будут начаты переговоры и/или в Газу не будет введен международный контингент (по типу международных сил в Ливане).

Начало мирного процесса способно создать более благоприятные возможности для активизации российской политики в регионе, если Россия сумеет воспользоваться своим политическим капиталом – связями со всеми вовлечёнными в конфликт сторонами. Можно заметить, что Россия была единственным государством, входящим в квартет посредников (ЕС, США, ООН, РФ), которое организовало встречу с руководством ХАМАС после того, как движение выиграло первые демократические выборы в Палестине. Хотя техническая сторона организации встречи может быть подвергнута критике, необходимость контактов с исламистами не вызывает сомнений. ХАМАС, ставший важнейшим игроком на палестинской сцене, не представляет собой политически гомогенного движения – в нём присутствуют не только радикалы и экстремисты, но и умеренные прагматичные деятели. Это стало особенно очевидно в процессе переговоров между ХАМАСом и Фатхом. Если будет создано новое правительство во главе с политически нейтральным премьер-министром, оно, скорее всего, получит международное признание, будут отменены экономические санкции и снята политическая блокада Палестинской автономии, введенные США и Евросоюзом. Евросоюз выражал готовность признать правительство ПА, даже если и не будут предварительно выполнены все основные условия, обозначенные квартетом международных посредников. Создание такого правительства могло бы открыть возможности для возобновления политического процесса, не замыкающегося исключительно на лидера ПА Абу Мазена, у которого при создании правительства национального единства появятся более широкая политическая опора и поле для маневра.

Израильское руководство стремится не допустить признания любого палестинского правительства до тех пор, пока оно не выполнит все требования "ближневосточного квартета", но и для него нет иного выхода кроме заключения новых промежуточных соглашений. В 2007 г. внутривнутриполитическая ситуация в Израиле может оказаться весьма шаткой. Отсутствие профессионализма, внешнеполитические и военные провалы вызвали кризис доверия общества к правительству, на которое возлагались определенные надежды. Как известно, А. Шарон в связи с болезнью не смог возглавить предвыборную гонку, и победу в марте 2006 г. одержала (уже без него) созданная им партия Кадима, которая пришла с программой свертывания, т.е. эвакуации части поселений с Западного берега для обеспечения безопасности и фактически одностороннего определения израильских границ. При этом армия должна была сохранить свои позиции на Западном берегу для контроля над

ситуацией с тем, чтобы не превратить Западный берег по образцу Газы в очередной «хамаслэнд».

Кадима позиционировала себя как первая в истории Израиля центристская партия, объединившая единомышленников из Ликуда и Аводы. На самом деле у партии не было собственной идеологии – победу ей обеспечил тот факт, что она воспринималась избирателями как партия Шарона. В условиях, когда формула «у нас нет партнера по переговорам» получила дополнительное подтверждение после победы ХАМАС, предложенная ею программа односторонних действий выглядела как единственный реальный шанс окончательно отгородиться от палестинцев. Шарон не успел подготовить себе смену. Рейтинг партии стал падать и к моменту выборов снизился почти в полтора раза, с 38 до 29 мандатов. Как и следовало ожидать, выборы были разгромными, прежде всего, для правого блока Ликуд (12 мандатов), который ранее возглавлял Шарон и из которого вышел вместе со своими единомышленниками.

Однако Кадима, придя к власти, продемонстрировала неспособность адекватно действовать в усложнившейся ближневосточной обстановке. Военные операции в Ливане и в Газе, если рассматривать их с израильского угла, отличала общая черта. Каждый раз сообщалось о победе, но было очевидно, что все остается на своих местах. Хизбалла была оттеснена с юга Ливана, и на юг был введен дополнительный миротворческий контингент, однако Хизбалла быстро восстановила свой потенциал, и новое обострение обстановки предсказывали уже на весну 2007 г. Кассамы продолжали лететь из Газы, несмотря ввод туда израильских сил, обстрелы, заключение перемирия, вывод войск и любые иные шаги.

Как отмечали израильские обозреватели, в программе Кадимы невозможно обнаружить хотя бы намек на то, как собирается выжить в одиночку израильская демократия, отгородившись от всего Ближнего Востока с его многогранными, весьма непростыми реалиями, и как собирается Израиль продвигаться к окончательному урегулированию регионального конфликта. Включение после ливанской войны в состав правительства такого ультраправого деятеля как А. Либерман (партия «Наш дом Израиль» – 11 мест в кнессете) вряд ли облегчит ответ на подобные вопросы.

Заключение перемирия в палестино-израильском конфликте, не увязанного с началом переговорного процесса, не является выходом из положения. После ливанской войны никакой новой программы правительство так и не предложило. Не предложило оно и внятной социально-экономической повестки дня, что углубляет недоверие общества к проводимому курсу.

При сохранении нынешних тенденций 2007 г. может стать годом правительственного кризиса в Израиле, что еще больше сузит возможности по урегулированию конфликта. Выходом из положения для него могла бы быть линия на возобновление переговоров, хотя здесь не все зависит исключительно от израильской стороны. Не исключено, что США будут подталкивать Израиль к возобновлению переговоров с Сирией. В этом случае палестино-израильский трек окажется в прямой зависимости от продвижения на сирийско-израильском направлении.

Обстановка в Ливане

В 2007 г. не исключено новое столкновение между Хизбаллой с Израилем. Альтернативой может стать возобновление гражданской войны. После войны с Израилем Хизбалла имела определенные основания позиционировать себя как победителя. Израильская армия, разрушавшая юг страны, была не в состоянии обнаружить и уничтожить ракетные установки, ослабить потенциал Хизбаллы в живой силе и технике, снизить ее влияние в государстве. По имеющейся информации, в конце 2006 г. на вооружении Хизбаллы

находились около 20 тысяч ракет. Ее лидер шейх Хасан Насралла утверждал, что у группировки их число составляет как минимум 30 тысяч единиц. Это больше, чем имела Хизбалла до начала 34-дневной войны с Израилем.

Война принесла Хизбалле поддержку широких кругов населения, рассматривающих ее как единственную силу, способную обеспечить безопасность и дать отпор Израилю. Группировка получила мощный дополнительный ресурс, позволяющий ей взять курс на укрепление своих политических позиций в государстве.

Хизбалла требовала предоставить шиитам расширенные полномочия в парламенте и кабинете министров. Попытки Хизбаллы и их союзников добиться отставки правительства Фуада Синьоры, начавшиеся с призыва к уличным манифестациям и выхода из правительства министров от Хизбаллы, вылились в массовые антиправительственные демонстрации. Судя по всему, для Хизбаллы ярким примером изменения соотношения сил стал Ирак, где после операции союзников сунниты как опора режима Саддама Хусейна были отодвинуты на второй план, а главные политические роли достались шиитам и курдам. Не исключено, что в дальнейшем Хизбалла попытается сломать условия Национального пакта 1943 г., определяющего систему представительства во власти различных конфессиональных группировок. Расширение политического шиитского пространства за счет Ливана в принципе может быть достаточно серьезным вызовом безопасности.

Опасения, что ситуация в Ливане скатывается к гражданской войне, усилились после убийства в ноябре 2006 г. министра промышленности Ливана Пьера Жмаеля. В 2005 г. Жмаель был избран в национальный парламент от Фалангистской партии, и должен был вскоре стать ее главой. Преступление было приурочено к созданию международного трибунала для расследования убийства экс-премьера Рафика Харири в феврале 2005 г.

Госдепартамент США назвал убийство Жмаеля «террористическим актом» и попыткой подорвать доверие к правящей коалиции в Ливане. Вашингтон обвинил Сирию и Иран в планах по смене правительства, в котором сейчас доминируют антисирийские политики. Аналогичной точки зрения придерживались и израильские политики. Вместе с тем, незадолго до убийства официальные лица на Западе, включая ряд членов конгресса США, говорили о необходимости подключить Сирию и Иран к процессу урегулирования ситуации на Ближнем Востоке. Более того, Сирия пошла на восстановление дипломатических отношений с Ираком, прерванных в 1982 году, что также можно было рассматривать как сигнал готовности Дамаска к конструктивному сотрудничеству. Учитывая это обстоятельство, наблюдатели отмечали, что в дестабилизации могли быть заинтересованы отдельные представители армии и спецслужб, которые после вывода сирийских войск из Ливана потеряли источники обогащения. Внутри Хизбаллы также есть силы, стремящиеся помешать любому сближению с Западом.

В сложившейся ситуации очевидна необходимость срочного налаживания внутриливанского диалога, предоставления экономической помощи по восстановлению Ливана и урегулированию израильско-ливанских проблем. В этом контексте также необходимо налаживание диалога с Сирией и Ираном и обеспечение больших контактов с Хизбаллой.

Не случайно, в конце 2006 г. администрации Дж.Буша были направлены рекомендации, изложенные в специальном отчете бывшего госсекретаря США Джеймса Бейкера и главы Международного научного центра им. Вудро Вильсона Ли Гамильтона о ситуации на Ближнем Востоке. В их основе – призыв к возобновлению сирийско-израильских переговоров по Голанским высотам при активной роли США увязанных с содействием Сирии в расследовании политических убийств в Ливане, с оказанием давления на ХАМАС и содействием в стабилизации обстановки в Ираке. Однако для уходящей администрации США эти задачи могут оказаться слишком сложными.

Положение в Ираке

В 2006 г. гражданская война в Ираке была в полном разгаре, и насилие по-прежнему оставалось главным средством воздействия на политических оппонентов. Американское присутствие в стране не только не было способно его сдержать, но превратилось в один из важнейших провоцирующих факторов. Несмотря на выборы, референдумы, принятие конституции, укрепления новой иракской государственности не происходит. Она распадается под напором конфессиональных радикальных группировок, включая силы международного терроризма.

Весь ход операции союзников в Ираке, разрушивший существовавшие там при тоталитарном режиме механизмы контроля и управления, привел к существенным последствиям для всего Ближнего Востока. Продолжающийся хаос способствует укреплению радикальных организаций и тенденций по всему мусульманскому миру. В 2006 г. он стал важнейшим фактором внутривнутриполитической жизни в США: именно война в Ираке стала причиной поражения республиканцев на промежуточных выборах.

В сложившихся условиях для американской администрации возрастает значимость поиска стратегии выхода из Ирака. Выполнение миссии по укреплению нынешнего иракского режима представляется при продолжении ранее взятого курса проблематичным. Американские союзники ставят вопрос об эвакуации собственных сил. Хотя администрация возражала против сворачивания американского присутствия, такой подход не отменяет необходимости рассмотрения в 2007 г. перспектив поэтапного вывода войск, их возможной передислокации, укрепления иракской армии (по оптимистичной оценке премьер-министра Ирака Нури Малики, иракская армия сможет взять под свой контроль обеспечение безопасности к июню 2007 г.) и активных дипломатических усилий. Специальная группа по Ираку, возглавляемая бывшим госсекретарем США Дж. Бейкером, рекомендовала предпринять дипломатический прорыв, предполагающий прямые переговоры с Ираном и Сирией. Необходимость подключения Ирана и Сирии акцентировал и премьер-министр Великобритании. Признавая особое влияние Ирана, иракские руководители пытались заручиться его помощью для стабилизации обстановки в Ираке.

Хотя на деле Иран и Сирия постепенно вовлекаются в переговорный процесс (к ним обращаются заинтересованные стороны), возможность стабилизации ситуации в Ираке в 2007 г. представляется маловероятной. Низкой степенью вероятности отличаются также сценарии, предполагающие распад Ирака на отдельные части, однако дальнейшая активизация сил, препятствующих консолидации страны, и, соответственно, расширение масштабов гражданской войны в 2007 г. могут иметь место.

В целом ситуация на Ближнем Востоке не внушает оптимизма. При сохранении нынешних тенденций и в условиях слабой государственности, Ирак и Ливан обречены на то, чтобы остаться в 2007 г. очагами конфликтов. Напряженность, вероятно, сохранится и в палестино-израильском конфликте, хотя здесь у сторон все же существуют побудительные мотивы для возобновления переговоров. Нельзя исключать и попыток США возобновить израильско-сирийские переговоры, хотя здесь существует немало препятствий и условий, которые не обязательно будут позитивно восприняты и Сирией, и Израилем. Но даже в случае начала политического процесса, обеспечение его устойчивости может оказаться непосильной задачей как для внутренних, так и для внешних сил.

ИРАНСКИЙ ВЫЗОВ

События 2006 года укрепили подозрения касательно того, что Тегеран создает ядерное оружие. Иран в 2006 г. приобрел технологию, позволяющую обогатить незначительные количества урана до уровня в несколько процентов, что рассматривается как преодоление важного технологического барьера на пути к созданию ядерного оружия. Предпринимались дальнейшие усилия по овладению технологией производства тяжелой воды, необходимой для ядерных реакторов, производящих оружейный плутоний. Однако пока нет оснований предполагать, что Иран сможет создать работоспособное боевое ядерное устройство в 2007 году. Даже по американским оценкам, которые отличаются повышенным алармизмом, Ирану для этого понадобится как минимум пять лет. Таким образом, имеется определенное время для того, чтобы остановить иранскую ядерную программу либо политическим, либо военным путем.

Линия Тегерана: дипломатическое маневрирование и силовой шантаж

В 2007 году иранское руководство, скорее всего, продолжит нынешнюю стратегическую линию, сочетающую дипломатическое и политическое маневрирование, с одной стороны, и демонстрацию собственных силовых возможностей, с другой. Ответ Тегерана на известные предложения шести государств, сделанные летом 2006 года, ясно обозначает избранную им линию: максимально время, избежать международных санкций и одновременно получить возможность разрабатывать и далее военную ядерную программу. Тактика Тегерана состоит в том, чтобы утопить практическое обсуждение своей ядерной программы в изнурительных вязких переговорах. При этом иранской дипломатии нельзя отказать в умении в полной мере использовать как правовые возможности по линии МАГАТЭ и ДНЯО (Договора о нераспространении ядерного оружия), так и политические разногласия в подходах ведущих государств и вовлеченность США в гражданскую войну в Ираке. В частности, иранская дипломатия намекает на возможность временной приостановки процесса обогащения урана, что, кстати говоря, может понадобиться иранским специалистам для устранения тех или иных неполадок в каскаде центрифуг. Одновременно такая приостановка используется для давления на партнеров по переговорам, с тем, чтобы получить очередные уступки. Другой ключевой элемент иранской стратегии – игра на расхождениях в подходах США, европейских государств, Китая и России.

Наряду с этим, Тегеран сумел продемонстрировать, что у него имеется немало политических и военных приемов и инструментов давления на западные государства. В частности, война в Ливане, спровоцированная Хизболлой, которая является одним из военно-политических инструментов Тегерана, показала, что он обладает мощными рычагами воздействия на ситуацию на Ближнем Востоке и способен причинить серьезные неприятности, примет в ответ на жесткие меры против Ирана. Другим инструментом влияния Ирана на позицию ведущих западных держав, в том числе США, является его реальный или предполагаемый авторитет среди шиитских лидеров южного Ирака. Отсюда – иранские возможности воздействия на урегулирование иракской проблемы, что является для США первоочередной задачей.

Военное решение в 2007 году маловероятно

В 2007 году, скорее всего, использования военной силы против Ирана не будет. Дело не только в том, что крупный контингент американских войск увяз в Ираке. Еще важнее, что нет ясности относительно характера возможной военной операции против Ирана. «Ядерная кастрация», то есть ликвидация иранских ядерных объектов и пусковых установок ракет точечными ракетно-авиационными ударами может ликвидировать ключевые элементы

ядерной инфраструктуры. Однако это немедленно приведет к новым акциям Хизболлы и других проиранских террористических организаций (на Ближнем Востоке, в Европе, в США и, не исключено, в России). Иранская агентура осложнит еще более ситуацию в Ираке. Оккупация же самого Ирана американскими войсками, может привести к повторению иракской ситуации. К этому надо добавить также вариант распада Ирана по этническим границам, в том числе образование так называемого Великого Азербайджана, объединяющего северные районы Ирана, населенные азербайджанцами, и собственно Азербайджан.

Следовательно, военное решение иранской ядерной проблемы должно, как минимум,

- ликвидировать иранскую ядерную и ракетную инфраструктуру;
- минимизировать иранский потенциал «асимметричного ответа», что предполагает ликвидацию боевых подразделений и военных объектов Хезболлы и других террористических группировок, ориентированных на Тегеран, а также основных иранских военных, политических и разведывательно-диверсионных объектов, в том числе инфраструктуры Корпуса стражей исламской революции, басиджей;
- привести к власти в Иране правительство, способное удержать единство страны, готовое сотрудничать с США в обмен на массированную экономическую помощь и инвестиции.

Теоретически все эти цели достижимы. Однако они требуют хорошо скоординированных крупномасштабных военных действий не только против Ирана, но и против террористических группировок на Ближнем Востоке, в Европе и США. Кроме того, интенсивность такой кампании должна быть исключительно высокой, чтобы иранское руководство не смогло прийти в себя после первых бомбардировок и организовать асимметричные контрудары. Основные нервные узлы нынешнего режима в Иране, а также опорные центры Хезболлы и других подобных организаций должны быть ликвидированы в течение нескольких суток. Представляется, что в 2007 году ни США, ни Израиль, ни европейские страны, которые теоретически могли бы принять участие в такой операции, готовы к ней не будут.

Линия Запада

Линия Запада в отношении иранской ядерной программы в 2007 году будет основана на поисках политического решения проблемы. Считается, что в иранской элите и политическом классе в целом есть достаточно мощные силы, заинтересованные в сотрудничестве с Западом, уставшие от ригоризма и религиозного фанатизма теократического режима, стремящиеся поставить под свой собственный контроль наиболее доходные элементы иранской экономики, которые сегодня монополизированы правящей теократической верхушкой. Предполагается, что рано или поздно эти силы придут к власти, и тогда ядерная проблема будет решена практически автоматически.

С учетом этого, стратегия Запада в отношении Ирана будет строиться в 2007 году так, чтобы максимально замедлить реализацию ядерной программы с помощью переговоров, уступок, «вовлечения» тегеранской верхушки в те или иные выгодные для нее проекты и так далее. Такая линия имеет два существенных недостатка. Во-первых, никто не знает, когда именно умеренные круги придут к власти в Иране и придут ли вообще. Во-вторых, создание ядерного оружия рассматривается если не всем, то подавляющим большинством иранского политического класса как важнейшая национальная цель, особенно имея в виду, что Иран с нескольких сторон окружен ядерными государствами – Пакистаном, Индией, Россией и Израилем. И нет никакой уверенности в том, что даже если теократический режим рухнет, то Иран откажется от ядерного оружия и ядерная проблема будет решена. Кроме того,

считается, что нынешний режим, несмотря на одиозные заявления его лидеров, все же способен на принятие неких разумных решений, что может позволить если не решить ядерную проблему полностью, то, по крайней мере, существенно замедлить ее реализацию. В качестве аргумента нередко приводят эволюцию ливийского режима и его лидера Муамарра Кадаффи.

Независимо от того, насколько правильны или неправильны эти теории, политическое решение иранской ядерной проблемы возможно лишь в том случае, если все страны, вовлеченные в его поиски, выступают единым фронтом и не позволяют Тегерану играть на имеющихся расхождениях в их позициях. Однако до сих пор говорить о единстве шести стран, ведущих переговоры с Ираном, не приходится. Более того, различна концептуальная основа их политики в отношении иранской проблемы.

Американское руководство, как уже говорилось, не готово пока к военному варианту пресечения иранских ядерных амбиций. В этой связи Вашингтон готов предоставить главную роль в дипломатических усилиях по предотвращению ядерного вооружения Ирана европейским государствам. Однако большинству европейских государств присуща иная (в отличие от США) ментальность в стратегической оценке ситуации. Разумеется, для них ядерное вооружение Ирана – явление крайне тревожное. Но европейские государства не готовы идти на риск большой войны в непосредственной близости от своих южных границ, особенно имея в виду, что такая война неизбежно обернется резким взлетом цен на нефть. Поэтому акцент делается на политическом решении проблемы, максимальном вовлечении Ирана в переговоры, сочетании уступок и угрозы применения санкций, а также иных методов, свойственных дипломатии «мягкой силы».

Китай

Китай, как и ранее, будет в 2007 году поддерживать линию Тегерана. Ядерное оружие Ирана в ближайшие годы не представляет для Китая даже потенциальной военной угрозы. Учитывая, что для Пекина предельно важны и важно предотвратить военное вмешательство США в эвентуальный конфликт в Тайваньском проливе, который считается в Пекине вполне реальным, идеальным вариантом для Китая является сохранение вдали от китайских границ неразрешенных кризисов, в которые вовлечены Соединенные Штаты. Поэтому, чем дольше иранская ядерная проблема остается неразрешенной, тем свободнее чувствует себя Пекин в Восточной Азии. Вместе с тем, Китай будет стремиться так строить свою политику в отношении Ирана, чтобы избежать серьезного обострения отношений с США, имея в виду зависимость китайской экономики от американских инвестиций, технологий, а также экспорта на американский рынок.

Россия

Иранская ядерная программа представляет для России серьезную угрозу. Южные российские города могут оказаться в сфере досягаемости иранских ядерных ракет. Кроме того, в случае обретения Ираном ядерного оружия наша страна столкнется с активной, идеологически мотивированной, враждебной к попыткам внешнего влияния силой в районах, где сосредоточены важные российские интересы, в том числе в зоне Каспийского моря.

Вместе с тем в 2007 году российская дипломатия, скорее всего, не будет поддерживать решительные меры по разрешению иранской ядерной проблемы. Во-первых, в Москве могут считать, что она в гораздо большей мере является головной болью для США и Израиля, чем для России. Это расширяет российские возможности манипулировать соответствующими озабоченностями, позиционировать себя в качестве посредника между США и Ираном (хотя

ни США, ни Иран Россию в таком качестве не воспринимают) и так далее. Во-вторых, Москва может опасаться того, что санкции перекроют для России возможность поставок Ирану вооружений и дальнейшее сотрудничество в ядерной области. В-третьих, Москва во чтобы то ни стало стремится избежать военного решения, поскольку его последствия могут оказаться проблематичными с точки зрения российских интересов. Действительно, если такое решение оказывается успешным, то к власти в Иране приходит проамериканское руководство, что в Москве как минимум не будут рассматривать как привлекательный для себя сценарий. Если США и Израиль оказываются в состоянии ликвидировать ядерный потенциал, но не смогут установить эффективный контроль над Ираном, то рядом с российскими границами появляется очаг хаоса, исламского экстремизма и нестабильности. Наконец, если Иран распадается на отдельные части вдоль этнических границ, в южной части каспийского бассейна может возникнуть мощный Азербайджан, что кардинально изменит соотношение сил в регионе не в пользу России.

АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

На развитие политической ситуации в Восточной Азии (ВА) в 2007 г будут воздействовать три главные группы факторов:

- последствия ядерного испытания в Северной Корее;
- развитие китайско-японских отношений при новом руководстве Японии;
- внутривосточные процессы в ведущих восточноазиатских странах – Китае, Японии, Южной Корее.

Северная Корея

Ядерное испытание, проведенное Пхеньяном 9 октября 2006 г, прервало вялотекущий процесс урегулирования ядерного кризиса вокруг Северной Кореи и обострило ситуацию в регионе.

Стратегические мотивы резкого обострения политической обстановки Пхеньяном, до того использовавшим волнообразную тактику «ядерного блефа и шантажа», кроются в следующем. В конце 2005 г США, введя санкции против небольшого банка в Макао (Wanco Delta Asia), замеченного в отмывании фальшивых долларов северокорейского производства неожиданно для самих себя заделали наиболее уязвимое место северокорейского режима – зарубежные активы семьи Ким Чен Ира. Дополнительные финансовые санкции США, а вслед за ними и Японии, равно как и установленный в Китае контроль над финансовыми операциями северокорейцев усугубили финансовое положение пхеньянских лидеров.

В активе же у Пхеньяна находились всего четыре карты: (1) сам факт участия в шестисторонних переговорах, (2) военная провокация в ДМЗ, (3) пуск баллистической ракеты и (4) ядерное испытание.

В начале 2006 г Пхеньян выложил первую карту, заявив, что не возобновит шестисторонний процесс до тех пор, пока США не снимут финансовые санкции с банка в Макао. США ответили призывом к Северной Корее вернуться за стол переговоров и там обсуждать «любые вопросы». Карта «военная провокация в ДМЗ» больше направлена против Южной Кореи и не могла иметь успеха в игре с США. Третья карта – «пуск баллистической ракеты» не сработала – ее испытания 4 июля 2006 г закончились неудачей. И тогда была сброшена

самая «сильная» карта – ядерное испытание. Сначала – угроза его проведения. Но когда это также не дало эффекта, было произведено само испытание.

Расчет Пхеньяна прост: «теперь мы ядерная страна» и США «должны говорить с нами на равных». «Теперь нет необходимости вести переговоры в формате, включающем безъядерные Японию и Южную Корею». «Теперь мы – прямые партнеры США». Даже если и вернуться в шестисторонний процесс, то уже в новом, «ядерном» качестве.

Суть новизны ситуации в том, что Пхеньян стал реально, а не просто гипотетически, опасным для мира и Восточной Азии. Впервые за все годы кризиса вокруг Северной Кореи возникла *прямая угроза* радиоактивного заражения или опасных сейсмических последствий подземного взрыва *российскому Дальнему Востоку*.

Развитие ситуации вокруг Северной Кореи в 2007 г будет характеризоваться большой неопределенностью и многовариантностью. Представляется невероятным отказ Северной Кореи от военной ядерной программы и возвращение в безъядерный статус, поскольку в глазах северокорейского руководства ядерное оружие играет роль своего рода «щита», защищающего режим от политического давления извне. Таким же невероятным представляется начало военного конфликта в Корее – что создало бы прямые военные угрозы северокорейским соседям, Китаю, Южной Корее, России, против чего эти страны бы активно выступали.

Проведение второго и последующих ядерных испытаний, с одной стороны, усилит напряженность в ВА, но с другой – будет способствовать усилению единых подходов к Пхеньяну со стороны остальной «пятерки» участников шестисторонних переговоров по Северной Корее – США, Китая, Южной Кореи, Японии и России. Выработка скоординированных, жестких и последовательных действий «пятерки» против Пхеньяна представляется единственно реальным вариантом разрешения кризиса.

Продолжение Северной Кореей военной ядерной программы и проведение новых испытаний может резко обострить ситуацию, побудив СБ ООН принять еще более действенные санкции, включая военные меры. В этом случае непредсказуемость дальнейшего развития событий резко возрастет.

Вероятен и инерционный вариант: Пхеньян получает экономическую помощь от Китая, параллельно с жестким китайским предупреждением о недопустимости нового испытания, и – в условиях сохраняющейся неуверенности насчет того, насколько успешным было первое ядерное испытание – возвращается в шестисторонний процесс. Ситуация вновь начинает идти по очередному кругу, принимая опять вялотекущий характер, но уже при наличии у Северной Кореи неофициального ядерного статуса, что позволяет Пхеньяну завышать «цену вопроса» в рамках шестисторонних переговоров.

В любом случае мировое сообщество, и в первую очередь «пятерка» участников шестистороннего процесса, включая Россию, оказываются перед серьезнейшим вызовом. От их умения договориться, выработать единый подлинно «действенный» подход, а не вариант формальных санкций, и лишить Пхеньян возможности играть на различиях в позициях сторон будет зависеть, как долго сохранится напряженность, вызванная военной ядерной программой Северной Кореи.

Гипотетически на развитие ядерного кризиса могут повлиять внутренние процессы в Северной Корее. В целом нет оснований предполагать, что в 2007 г возникнут какие-то внутренние угрозы власти Ким Чен Ира и его контроль над внутривластной обстановкой ослабнет. *Нюанс* ситуации заключается в том, что, если раньше, вероятность «дворцового переворота» в Пхеньяне равнялась нулю, то теперь она, хотя и минимальна, но все же появляется.

В последние годы существования северокорейского режима за счет внешней помощи сформировался слой близких и лояльных Ким Чен Иру людей, имеющих выходы на Запад, к международным финансам, к современным стандартам жизни. Реальные жесткие санкции могут ударить по текущим интересам этого слоя и вызвать недовольство «ядерными забавами» вождя. Ответные репрессии могут заставить именно самое ближайшее окружение Ким Чен Ира пойти на его смещение – под тем или иным формальным предлогом, например, состояния здоровья и т.д.

Независимо от того, по какому сценарию будут развиваться события, ядерный кризис вокруг Северной Кореи окажет влияние на развитие политической обстановки в ВА по следующим направлениям.

Первое. **Усилится вовлеченность США** в политические процессы и проблемы безопасности в Восточной Азии. В практическом плане это будет означать усиление военно-политических альянсов США с Японией и Южной Кореей и поиск новых вариантов объединения усилий стран ВА по поддержанию региональной безопасности в рамках АРФ (Региональный Форум АСЕАН) или формате «10 плюс 1» (США и страны АСЕАН). На аналитическом уровне активизируется обсуждение вброшенной на фоне северокорейского кризиса Вашингтоном идеи о создании своего рода «НАТО для Азии» на основе шестистороннего процесса по Северной Корее. Эта идея выглядит созвучной стремлению Пекина превратить «шестисторонку» в постоянно действующий механизм безопасности в Восточной Азии.

Второе. Северокорейский кризис будет способствовать **сближению США и Китая в вопросах региональной безопасности**. Вашингтон ждет от Пекина более жестких и действенных мер против Северной Кореи. На что Пекин и идет, вводя финансовые (прекращение переводов средств северокорейцев из Китая в КНДР), торговые (сокращение челночной торговли), экономические (прекращение выдачи разрешений на работу северокорейцам, досмотр «с пристрастием» северокорейских торговых судов и грузовиков) санкции, а также осуществляя военно-политическое давление на Пхеньян (маневры вблизи северокорейской границы, строительство стены вдоль всей границы с КНДР).

Пекин увязывает северокорейские ядерные испытания с риском создания собственного ядерного оружия Тайбэем. И здесь именно Вашингтон рассматривается Пекином как главный рычаг сдерживания властей Тайваня.

Третье. Ядерный кризис вокруг Северной Кореи **не даст толчка распространению ядерного оружия в Восточной Азии**. Токио и Сеул будут оставаться в рамках безъядерной военно-политической стратегии, во-первых, потому что отказ от нее привел бы к ослаблению политического имиджа этих стран в мире, а во-вторых, по причине негативной американской позиции. В то же время настоящий кризис облегчит японскому руководству – как во внутреннем, так и во внешнем контексте – изменение Конституции страны в плане придания нового статуса японским «силам самообороны» и расширения сферы их применения. Следует ожидать увеличения военных расходов в Японии, Южной Корее, Китае и странах АСЕАН – как реакции на возросшую уязвимость их обороноспособности вследствие обладания Пхеньяном ядерным оружием.

Четвертое. Парадоксальным образом северокорейский ядерный кризис может способствовать **улучшению политической обстановки в Восточной Азии**. Происходящие на фоне кризиса китайско-американское сближение и объединение усилий ключевых стран региона против ядерной программы Пхеньяна могут заложить основы нового режима региональной безопасности на ближайшее будущее.

Япония

Смена высшего политического руководства в Японии и визит нового японского премьера Абе в Китай в начале октября 2006 г способствовали улучшению общей политической атмосферы в **китайско-японских отношениях**.

Улучшение политической составляющей китайско-японских отношений объективно способствует созданию более благоприятного климата сотрудничества в ВА в целом. На этом фоне можно ожидать не только дальнейшего усиления экономической взаимозависимости Пекина и Токио, но и оживления многостороннего сотрудничества в различных форматах: АСЕАН плюс три (Китай, Япония, Южная Корея), дискуссии по вопросам создания азиатского валютного союза, зоны свободной торговли в СВА – с участием Китая, Японии и Южной Кореи, Восточноазиатского сообщества и т.д. Однако существенных прорывов в региональной экономической интеграции и политическом взаимодействии ждать, все же, не приходится.

Во-первых, остается не ясным, как именно новый японский премьер сможет урегулировать ситуацию вокруг синтоистского храма Ясукуни и вопросам истории, что служит причиной регулярных обострений политических отношений Токио и с Пекином, и с Сеулом.

Во-вторых, улучшение китайско-японских политических отношений и рост их экономической взаимозависимости, очерчивающей пределы ухудшения двусторонних отношений, которые стороны не будут переходить ни при одном, даже самом остром варианте развития событий, не устраняют глубинных противоречий между Токио и Пекином. К таковым относятся:

- соперничество за лидерство на экономическом и политическом пространстве АСЕАН;
- соперничество за выход к восточноазиатским, африканским, иранским, центрально-азиатским и российским энергетическим ресурсам;
- территориальные споры по районам, богатым нефтью и газом (острова Дяоюйдао),
- соперничество за глобальные политические позиции, включая вопросы членства Японии в СБ ООН в качестве постоянного члена, планы Японии изменить Конституцию в сторону расширения сферы применения японских «сил самообороны», конкуренция в военной сфере.

И, тем не менее, можно ожидать, что улучшение китайско-японских отношений, несмотря на всю сохраняющуюся их сложность, даст в 2007 г больше позитивных импульсов к многостороннему взаимодействию в ВА по сравнению с предшествовавшими годами.

Внутриполитические процессы

На динамику ситуации в ВА в 2007 г большое воздействие будут оказывать **внутриполитические процессы** в основных странах региона – Китае, Японии, Южной Корее.

В Китае в конце 2007 г будет проведен очередной XVII-й съезд КПК. Съезд упрочит политические позиции команды «Ху Цзиньтао – Вэнь Цзябао» и их «новую политику». Контуры этой политики были определены в решениях 6-го Пленума ЦК КПК XVI-го созыва в конце 2006 года и в предшествовавших решениях по корректировке стратегии развития Китая при новом политическом руководстве.

Суть этих корректировок в социально-экономической сфере состоит в «более справедливом» распределении результатов быстрого экономического роста Китая в пользу наименее развитых китайских регионов и наиболее бедных слоев населения. Во внутриполитическом плане – в распространении в обществе власти закона, в активизации борьбы с коррупцией и в

развитии низовой и внутрипартийной демократии, не затрагивающей, впрочем, монополию КПК на власть. Во внешнем плане – в защите дипломатическими средствами набирающей темпы экспансии китайского капитала за рубеж и в усилении китайского воздействия на формирование новой архитектуры глобальной и региональной безопасности, в которой Китай имел бы возможность влиять на международные процессы.

В китайской интерпретации данная политика получила название «создание гармоничного социалистического общества», применительно к внутренней ситуации, и формирование «гармоничных международных отношений» - применительно к внешней среде.

В 2007 г следует ожидать политических новаторств со стороны китайской дипломатии, которая будет вынуждена конкретизировать, что именно понимается под «гармоничными международными отношениями», и практическими действиями показать, что это может значить для мировых лидеров и мирового сообщества в целом.

Парламентские выборы в Японии во второй половине 2007 г должны показать, насколько сильны внутривнутриполитические позиции нового японского премьера. Учитывая жесткость Абе по отношению к Северной Корее, а с другой стороны, его прагматизм в отношениях с Китаем и Южной Кореей – важнейшими торговыми партнерами Японии, можно прогнозировать победу ЛДП на парламентских выборах. Это будет означать продолжение японской политики, нацеленной на жесткость к Пхеньяну и улучшение политической атмосферы отношений с Пекином и Сеулом.

Предстоящие в конце 2007 г президентские выборы в Южной Корее окажут существенное влияние на внешнюю политику Сеула. Нынешнее руководство страны, делавшее ставку на сотрудничество с Северной Кореей, даже в ущерб национальным экономическим интересам и интересам безопасности, будет вынуждено вносить коррективы в проводимый курс на фоне северокорейского ядерного испытания.

Это приведет, с одной стороны, к ужесточению политики Сеула по отношению к Пхеньяну, введению санкций, прекращению некоторых экономических проектов, с тем, чтобы показать свою твердость «умеренному» южнокорейскому электорату и не допустить его перехода на сторону «консервативных сил». С другой стороны, антисеверокорейские подвиги будут весьма ограниченными – чтобы не потерять симпатии традиционной «левой» базы поддержки властей.

Политика Сеула по отношению к Пхеньяну будет колебаться между «новой твердостью» и «старой мягкостью», что не позволит Южной Корее ни стать ближе к США и Японии в вопросах давления на Пхеньян, ни отойти от них на слишком большое расстояние в сторону Пхеньяна.

Проведение референдума на Тайване по вопросам изменения конституции и изменения названия острова может обострить ситуацию в Тайваньском проливе. Однако вряд ли конфликт между Пекином и Тайбэйем выйдет за рамки обычной дипломатической войны. Пекин будет использовать как свои контакты с Гоминьданом, занимающим умеренные позиции в вопросах независимости, так и американский фактор – с целью блокировать проведение референдума.

Более опасным – по крайней мере, гипотетически – представляется вариант развития ситуации, при которой Тайвань, отталкиваясь от опыта «безнаказанности» Пхеньяна, пойдет на создание собственного ядерного оружия. В этом вопросе ключевой сдерживающей силой выступают США. Понимая это, Пекин усилит свое взаимодействие с Вашингтоном по Северной Корее «в обмен» на нужное Пекину давление США на Тайвань.

В результате можно ожидать, что к концу 2007 г позиция Китая по степени жесткости в отношении Северной Кореи будет ближе к позиции США и Японии, чем позиция Южной Кореи и России.

В странах АСЕАН будут наблюдаться волнообразные процессы в вопросах развития демократических устоев обществ ЮВА. Военный переворот в Таиланде в конце 2006 г показал непрочность сложившихся здесь демократических институтов. На фоне тайландских событий можно ожидать замедления демократических преобразований в большинстве стран АСЕАН.

Фактор Индии

Постепенно возрастающее воздействие на Восточную Азию будет оказывать фактор Индии. Индия, упрочив свои позиции в Южной Азии, тем не менее, не сможет стать конкурентом традиционным лидерам ни в ЮВА, ни в Центральной Азии. И, соответственно, не сможет играть роль «балансира» влиянию Китая и Японии на восточноазиатском экономическом и политическом пространстве.

Индия, опираясь на свое усиливающееся влияние в Южной Азии, постарается использовать механизмы ВАС для «выхода» в Восточную Азию, что будет встречать противодействие Китая и в итоге станет одной из причин сохранения ВАС в виде аморфной политической структуры.

Попытки Индии усилиться в ВА усложнят конфигурацию отношений сотрудничества и конкуренции между Индией и Китаем. Индийско-китайские отношения будут характеризоваться, с одной стороны, избеганием военных столкновений по нерешенным территориальным и политическим (Пакистан, Кашмир, Тибет) вопросам, ростом взаимной торговли, развитием приграничного сотрудничества, взаимодействием и конкуренцией в сфере энергетики, в борьбе за глобальные энергоресурсы и энергетические активы. А с другой – нарастанием противоборства.

Главными сферами индийско-китайского соперничества станут:

- отношения с США. Индия будет стремиться добиться большей близости к США по сравнению с Китаем, играя на двух факторах: «индийской демократии» в противовес «китайскому социализму» и индийской помощи США в «сдерживании Китая»;
- глобальные источники финансирования экономики. Индия попытается переключить на себя финансовые потоки, которые идут из мировых финансовых центров, в том числе из Японии, в ВА, в частности и в Китай;
- влияние на соседей. Индия сохранит монополию на контроль ситуации в районе Индийского океана и одновременно попытается «войти» в зону китайского влияния в ЮВА;
- энергетика и «новая экономика». Индия будет стремиться к вытеснению Китая с мировых энергетических и наукоемких рынков там, где это более выгодно Индии, чем взаимодействие с Китаем;
- военное сотрудничество с Россией. Для Индии важно стать преимущественным партнером России в военно-технологической области. При этом Индия будет использовать фактор российско-американской и российско-европейской конкуренции на южноазиатском рынке вооружений.

В трехстороннем формате «Россия – Индия – Китай» Индия будет делать акцент на развитии двусторонних связей. Индия может использовать как двусторонние, так и многосторонние отношения в «треугольнике» для политического давления на США в случае обострения по тем или иным причинам индийско-американских отношений.

Индия будет делать ставку на двусторонние отношения и в политике к ШОС, стремясь к получению конкурентных преимуществ на центрально-азиатском рынке углеводородов. Индия не считает Китай и центрально-азиатские страны ШОС «подлинно демократическими» и сохранит свой статус наблюдателя в организации для мониторинга энергетического сотрудничества в Центральной Азии (ЦА) и поведения Китая.

Быстрый экономический рост Китая, его превращение в регионального лидера в ВА и возможность китайско-американского сближения будут усиливать «конкурентный настрой» и «мотивацию соперничества» в индийской политике в ВА и ЦА, вызывая – вслед за динамикой ситуации – волнообразные изменения поведения Индии.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Ситуация в Центральной Азии будет определяться активностью главных «внешних» игроков – Китая и США, развитием обстановки внутри ШОС как организации, а также внутривнутриполитической динамикой центрально-азиатских государств.

В реализации стратегии «Большого Ближнего Востока» США будут делать акцент на Ирак, Иран, Афганистан, рассматривая страны ЦА больше в контексте военной операции в Афганистане, чем через призму задач продвижения рыночно-демократических преобразований.

В этих условиях Китай усилит свою вовлеченность в дела ЦА, стремясь получить преимущественные выходы к энергоресурсам региона и влиять на его развитие в плане обеспечения здесь социально-политической стабильности. Параллельно – в двусторонних форматах – активизируются действия Японии, США, Индии, Южной Кореи, нацеленные на те же нефтегазовые резервы региона.

Риски политической дестабилизации центрально-азиатских государств связаны с обостряющимися здесь социальными проблемами на фоне растущего разрыва между бедными и богатыми, сохраняющейся нищеты населения и отсутствия развитых правовых и демократических институтов. Наиболее нестабильной будет оставаться ситуация в Киргизии. Однако вероятность социально-политических взрывов сохраниться и в других странах ЦА. Тем не менее, возможная политическая дестабилизация в 2007 г пока еще не перерастет в общерегиональный политический кризис с реальной угрозой исламизации ЦА. Правящие элиты смогут на время сохранить контроль над обстановкой.

Шанхайская организация сотрудничества

Перспективы ШОС зависят от готовности организации скорректировать стратегию развития. Остается открытым вопрос о том, сможет ли ШОС, несмотря на важность борьбы с терроризмом и другими новыми угрозами и полезность военного сотрудничества, сместить акценты на обеспечение социальной и политической стабильности в ЦА на основе экономического роста и развития демократических институтов и гражданского общества.

Без этого ШОС рискует продолжить дрейф в сторону размытости и неопределенности своей деятельности. Это ослабит ее региональный политический потенциал и подтолкнет Россию и Китай к поиску вариантов реализации своих интересов в ЦА вне рамок ШОС. Россию – к укреплению ОДКБ и ЕврАзЭС, Китай – к диалогу с НАТО. Что, в свою очередь, усилит военно-политический дисбаланс в ЦА, в основе которого лежит отсутствие четко прописанного разделения труда между ШОС, куда входит Китай, с одной стороны, и, с другой стороны – «ОДКБ плюс ЕврАзЭС», членами которых являются практически те же страны, что и в ШОС, но без Китая.

Существующие противоречия и отсутствие концептуальной ясности в вопросах разделения труда между ШОС и ОДКБ и ЕвразЭС будут побуждать Китай искать новые региональные форматы сотрудничества в ЦА, в которых сильна роль Китая, но слабо присутствует Россия. Таковым является Центрально-азиатский экономический форум, в котором тон задает Китай, присутствуют все среднеазиатские члены ШОС, а Россия участвует в качестве наблюдателя. В отличие от ШОС, данный форум имеет тесные практические связи и диалоговые форматы экономического сотрудничества с АБР, ЕС, США, Японией.

Сохранение дисбаланса в ЦА, в условиях обозначившегося интереса США, Японии и Индии к выстраиванию собственных вариантов диалога со странами региона без участия России и Китая, создает риски, чреватые превращением ЦА в *поле соперничества* больших стран вместо *региона взаимодействия*. Что не будет отвечать интересам обеспечения безопасности ЦА через механизмы сотрудничества и развития.

ПРОСТРАНСТВО СНГ

Интеграционный потенциал

В 2006 г. в общем масштабе постсоветского пространства интеграционный потенциал в политической сфере продолжал сокращаться. Окормленная традиционной интеграционной риторикой российская политика в СНГ продолжала развиваться преимущественно на двусторонней основе, становилась все более прагматичной и жесткой. На этом фоне получили развитие обозначившиеся ранее тенденции к дифференциации новых независимых государств (ННГ), формированию ими более, либо менее устойчивых коалиций по интересам, укреплению двусторонних связей – как с Россией или без нее, так и против Москвы.

Внутриполитический фон в ННГ оставался напряженным. Это было вызвано как электоральным циклом и/или жесткой борьбой различных политических сил за власть (на Украине, в Белоруссии, Киргизии), так и внешними факторами, объективно воздействующими на ситуацию в ННГ или сознательно провоцируемыми их руководством (например, в Грузии) в собственных внутри- и внешнеполитических целях. К таким факторам следует отнести проблемы, связанные с

- «замороженными конфликтами» в СНГ (Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Нагорный Карабах);
- торгово-экономическими и политическими отношениями с Россией (рост цен на энергоносители, экспансия российского бизнеса; торговые санкции, ужесточение миграционной политики);
- воздействием третьих стран и/или международных организаций, как на Западе (США, страны ЕС, НАТО), так и на Востоке (Китай).

В целом, ключом к разработке и реализации российской внешней политики в отношении ННГ является адекватное восприятие ситуации в ННГ с точки зрения истинных мотивов и движущих сил. В каждом случае – Грузии, Украины, Киргизии, Белоруссии – необходима оценка баланса между самостоятельной национальной логикой и инерцией и воздействием извне. Ибо именно «угол зрения» определяет поиск ответов на вопросы: кто виноват? кому это выгодно? что делать?

Недоучет или недооценка местных факторов и сил и переоценка воздействия «третьих сил», равно как недостаток стратегического видения, снижают эффективность российской дипломатии и бизнеса в ННГ, одновременно ухудшают контекст отношений России с

западными партнерами. Предположение прогноза «Россия и мир: 2006» о том, что сама парадигма «выбора» между Россией (которая также стремится интегрироваться в международные торгово-экономические уклады) и Западом ставит ННГ в жесткие рамки, противоречащие развитию интеграционных связей с Россией, подтвердилось.

Классическим примером такого рода в 2006 г. стал российско-грузинский кризис, в котором действия Тбилиси были обусловлены такими движущими мотивами, как:

- властные: укрепить собственный фланг в борьбе с оппозицией, избавиться от представляющих опасность амбициозных соратников;
- внутривнутриполитические: консолидировать общество в нелегкой социально-экономической ситуации;
- внешнеполитические: попытка продемонстрировать угрозу, исходящую от России, Западу, в первую очередь Соединенным Штатам.

Последовавшая жесткая реакция Москвы, вызвав новую волну национализма и ксенофобии в России, нанесла удар по не самым обеспеченным грузинским домохозяйствам, живущим на денежные переводы работающих в России родственников. Принятые меры не столько осложнили социально-экономическую ситуацию в Грузии, сколько сплотили в целом поддерживающее М.Саакашвили общество, и укрепили его во мнении о правильности курса на интеграцию в западные институты – чего, собственно и добивался Тбилиси. С точки зрения долгосрочных последствий Россия в ходе кризиса потеряла часть своей поддержки в Грузии.

В то же время именно сигнал, посланный Москвой через Вашингтон, возымел действие: сделанное В.Путиным на неофициальном саммите ЕС – РФ в Лаахти (Финляндия) заявление о поддержке Россией принципа уважения целостности государств было услышано как США, так и Грузией. В Тбилиси не только снизили тон полемики с Россией, но и пошли на кадровые перестановки в руководстве страны; в Вашингтоне внесли коррективы в позицию по обсуждаемой Советом Безопасности ООН проблеме Северной Кореи, а через некоторое время сняли последние возражения против вступления России в ВТО.

Российско-грузинский кризис и инструменты, использовавшиеся в его ходе обеими сторонами, свидетельствуют о формировании новой геополитической ситуации на постсоветском пространстве и вокруг него. Снижение – в отличие от ближневосточного региона – идеологического накала и более четкое осознание своих интересов всеми вовлеченными сторонами (как постсоветскими государствами, включая Россию, так и западными игроками) создают условия для ведения прагматичного «торга» в духе реальной политики. Учитывая, с одной стороны, стоящие перед ведущими державами, включая Россию, серьезные проблемы (Ирак, Иран, Большой Ближний Восток, Афганистан, Северная Корея), а с другой стороны, расхождения между ними в видении их урегулирования, можно предположить, что в 2007 г. практика «больших разменов», примером чего стал российско-грузинский кризис, получит дальнейшее развитие.

Внутриполитическое развитие в ННГ

Украина. На протяжении всего года – до весенних выборов в Верховную Раду и особенно после них – на Украине шла напряженная политическая борьба между ослабевшим флангом «оранжевых» президента В.Ющенко и «Партией регионов» В.Януковича. Длительный кризис власти – борьба за кресло премьера и посты в правительстве, раскол в стане «оранжевых», вызванный как слабостью В.Ющенко, все более признаваемой даже его сторонниками, так и властными амбициями Ю.Тимошенко, – завершился лишь к осени.

Тем не менее, политический кризис, во-первых, не привел к большим экономическим потерям, а после стабилизации темпы роста стали повышаться. Во-вторых, кризис не вышел за конституционные рамки. Ситуация развивалась в соответствии с моделью парламентско-президентской республики, определенной политической реформой, принятой «в пакете» еще в декабре 2004 г. в период «оранжевой революции» - типичный пример того, как «революция пожирает своих детей». Третьим элементом, стабилизовавшим обстановку в стране, была легитимность курса правительства В.Януковича, с точки зрения отражения им доминирующих общественных настроений, прежде всего по внешнеполитическим вопросам: многочисленные опросы свидетельствуют, что более 60% населения страны выступают против членства Украины в НАТО. (Красноречивым свидетельством тому были массовые выступления в Крыму против военных учений с участием НАТО). Поэтому «чистка» правительства от министров из «Нашей Украины», в первую очередь направленная против главы МИД Б.Тарасюка, занимавшего откровенно антироссийскую и пронатовскую позицию, также не вызвала заметного политического напряжения.

Маловероятно, что новому правительству, несмотря на подотчетность парламенту, большую прозрачность, усиливающую оппозицию в лице Ю.Тимошенко и свободу СМИ, удастся справиться с коррупцией и олигархией. Это значит, что продолжающийся процесс приватизации на Украине будет сопровождаться скандалами, в том числе включая обвинения в адрес российского бизнеса. Несмотря на распространенное мнение, что В.Янукович представляет восток страны и его бизнес, данный тезис небесспорен. В еще меньшей степени соответствует истине убеждение в пророссийских настроениях восточнотрадианского бизнеса – на самом деле конкурирующего с российским на внешних рынках. В его нынешнем положении премьер будет в большей степени заинтересован в снижении трений и различий между восточными и западными регионами.

Белоруссия. Получив мандат на очередной президентский срок, А.Лукашенко находится в крайне сложной ситуации. Несмотря на репрессивные меры в отношении оппозиции, режим испытывает с ее стороны давление. Лукашенко также понимает надвигающуюся неизбежность выбора между безусловным союзничеством с Россией и европейской ориентацией. В обоих случаях его личная власть ослабевает, во втором случае неизбежна также трансформация режима.

Молдавия. Из-за торговых санкций, введенных Россией, темпы роста в республике вместо планировавшихся 6,5% не дотянут до 4%. Тяжелое социально-экономическое положение в стране, большинство домохозяйств которой живут за счет трудовой миграции, существенно не исправится. В то же время эксперты обращают внимание на изменения в географии молдаваского гастарбайтерства, все больше переориентирующегося с России (что связано с трудностями на границе и удлинением маршрута из-за блокады Приднестровья) на юг Европы. Что также в перспективе будет укреплять европейскую ориентацию страны.

В 2007г. предстоят выборы в **Армении**, в 2008 – в **Азербайджане**. Несмотря на стабильность режима Алиева и неплохое экономическое положение в стране, исключать выступлений оппозиции нельзя. В то же время в сохранении стабильности в Азербайджане крайне заинтересованы его западные партнеры, закрывающие глаза на недемократический характер режима в стране. В находящейся в значительно менее выгодном и уязвимом положении Армении борьба за власть может проходить более остро. И в Армении, и в Азербайджане вопрос Нагорного Карабаха остается ключевым, поэтому в ближайшие два года следует ожидать повышенного внимания к этой проблеме. Однако связанные с предстоящими выборами ожидания некоторых экспертов быстрого урегулирования конфликта представляются завышенными.

Острый политический кризис в **Киргизии** осенью 2006 г. свидетельствует о продолжающейся борьбе политических группировок и кланов, о нерешенности социально-

экономических проблем. Основная масса населения находится за чертой бедности, в промышленном производстве продолжается спад – его объем за первое полугодие 2006 г. сократился на 6,8 %, из-за отсутствия работы или крайне низкой оплаты десятая часть населения страны трудится в Казахстане или России. Именно эти проблемы привели в 2005 г. к «революции тюльпанов» и ослаблению правящего режима. Среди требований оппозиции во время осеннего кризиса был переход к парламентско-президентской форме правления в стране. На этом фоне политическая обстановка в *Узбекистане* и *Таджикистане*, где на новый президентский срок был избран Э.Рахмонов, выглядит более стабильной. Несмотря на сохраняющиеся глубокие этнические противоречия, в 2006 г. на фоне угроз со стороны религиозных экстремистов (физической расправой за «преступления, совершенные в отношении мусульман» экстремисты угрожали в сентябре 2006 г. президентам Бакиеву, Каримову и Рахмонову) эксперты отмечали начавшееся сближение между Узбекистаном и Киргизией.

Векторы внешней политики

В силу внутри- и внешнеполитических факторов, среди которых немаловажную роль играет ужесточившаяся российская политика в экономической сфере, во внешней политике ННГ наблюдается тенденция к еще большей диверсификации внешнеполитических связей как на постсоветском пространстве, так и за его пределами. Центрами притяжения для ННГ являются:

- Россия: в силу культурно-исторических, религиозных, родственных факторов; для стран Центральной Азии – как фактор безопасности: и внешней, и внутренней для правящих режимов, а также как рынок труда. (Объем денежных переводов, осуществленных физическими лицами из России, во втором квартале 2006 года по сравнению с первым кварталом увеличился на 58%, составив \$1,290 млрд. По данным ЦБ РФ, в структуре переводов на долю стран СНГ приходится 90% или \$1,162 млрд. Основная часть переводов, осуществленных в страны СНГ, приходится на Узбекистан и Украину — соответственно \$210,1 млн. и \$209,6 млн. За отчетный период в Армению было перечислено \$128,7 млн. (10,0% от всех переводов), в Азербайджан — \$94,2 млн. (7,3%), в Грузию — \$80,9 млн. (6,3%) в Молдавию — \$114,6 млн. (9%), в Киргизию — \$101,5 млн. (8%), в Таджикистан — \$187,4 млн. (14,5%), в Казахстан — \$21,8 млн. (1,7%), в Туркмению — \$3,6 млн. (2,7%), в Белоруссию — \$9,8 млн. (7,5%). В первом квартале физическими лицами из России в страны СНГ было осуществлено денежных переводов на сумму \$709 млн. или 87% от всех переводов);
- страны - энергоэкспортеры (Россия, Казахстан, Азербайджан, Иран);
- западные интеграционные структуры (Евросоюз, НАТО);
- Соединенные Штаты;
- постсоветские интеграционные структуры с российским участием (ШОС, ЕврАзЭС, ОДКБ);
- постсоветские интеграционные структуры без российского участия (ГУАМ).

Активным прозападным недиверсифицированным курсом выделяется Грузия, политика которой воспроизводит модель центральноевропейских стран периода их вступления в НАТО. Реализация такой модели предполагает постоянную демонстрацию угрозы (реальной или виртуальной), исходящей для страны от России, равно как и расчет на поддержку Западом. Недостаток легитимности такого курса Саакашвили с точки зрения его поддержки общественным мнением был компенсирован, так как грузинское общество болезненно восприняло жесткие санкции России и рост в ней антигрузинских настроений. (Согласно опросу фонда «Общественное мнение», на вопрос «есть ли страна, способная развязать

войну против России», 31% россиян называют Грузию, 29 % - США, по 5% - Китай и Украину. Ведомости 11.10.2006)

Однозначную ставку Грузия делает на ее поддержку Соединенными Штатами и на членство в НАТО, как реально возможное в близкой (в отличие ЕС) перспективе. Хотя в ходе рижского саммита НАТО не последовало решения о принятии Грузии, тем не менее, этот вопрос будет оставаться на повестке дня в 2007 г. Другое дело, что время вступления может оказаться картой для торга России и Запада по более значимым вопросам (например, Ирана или Северной Кореи).

Одновременно Грузия возглавляет антироссийскую фронду в ГУАМ. В немалой степени усилиями Тбилиси проблемы ГУАМ были вынесены на самый высокий международный уровень: вопрос неурегулированных конфликтов на территории Грузии, Азербайджана и Молдавии, несмотря на возражения России, включили в повестку 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В то же время попытки Грузии жестко противопоставить всех членов ГУАМ России не всегда находят поддержку, что в большинстве случаев объясняется зависимостью стран группы в энергетической сфере.

Политика Украины, напротив, стала более диверсифицированной. Правительство В.Януковича и сам премьер проводят значительно более прагматичный, неидеологизированный политический курс, что наряду с общей линией на сотрудничество с Евросоюзом, означает важную роль, отводимую отношениям с Россией. Очередность осенних 2006 г. визитов Януковича – в Брюссель, в Москву, а затем в Вашингтон – в целом отражают приоритеты украинской внешней и внешнеэкономической политики.

По сути, Украина вернулась к предыдущей формуле многовекторной политики. Она сделала шаг назад от «евроинтеграции» к «евроориентации». Учитывая неготовность Евросоюза к быстрому сближению и тем более интеграции, и неготовность самой Украины к вступлению в НАТО, а также зависимость Киева от Москвы в энергетической сфере, в 2007 г. вряд ли можно ожидать существенных отклонений от нынешней прагматичной линии украинской власти.

В Белоруссии возможно развитие различных сценариев. Первый из них – «московский», на условиях гарантий сохранения власти и режима Лукашенко. Второй – промежуточный: нельзя исключать, что в 2007 г., как и в конце 2006 г., Лукашенко будет предпринимать попытки установить более тесные отношения с Украиной, Грузией, Азербайджаном. Такой маневр теоретически позволяет ему, с одной стороны, дистанцироваться от Москвы и не остаться в одиночестве, с другой стороны – сигнализировать Западу о некотором изменении политического вектора в стране. На практике такое развитие мало вероятно в силу того, что коалиция с Лукашенко не привлекательна для стран ГУАМ, не увеличивает «политическую капитализацию» этих стран и их лидеров на Западе. В то же время выступление ГУАМ единым фронтом с Лукашенко существенно сокращает России пространство для маневра, в том числе энерготранзита.

Достигнутое в конце года соглашение о возобновлении поставок вина и мяса из Молдавии в Россию, ослабляет позиции Кишинева по Приднестровью, но не будет означать изменения линии на евроинтеграцию. Учитывая смягчение позиции по Приднестровью и Киева, в 2007 г. проблема может вновь перейти из острой фазы в хроническую.

Сохраняя лояльность союзническим отношениям с Москвой, Армения в то же время пытается укрепить свои связи с западными партнерами, преимущественно через диаспору, а также, в условиях блокады, обеспечить поставки жизненно необходимых ресурсов из стран региона, в первую очередь из Ирана. На Иран (с молчаливого согласия Вашингтона) и Азербайджан, как альтернативу российским энергоресурсам, делает ставку и Грузия.

Азербайджан сохраняет хорошие рабочие отношения с Россией и лояльность в военно-политической сфере (на территории страны продолжает работать Габалинская РЛС). Однако интерес, который представляет Баку для Запада (в комментариях экспертов все чаще встречаются рассуждения о «большой игре» на Каспии), несомненен и продолжает расти. В конце 2006 г. появилась информация о том, что подразделение азербайджанской национальной армии, известное как «бакинский корпус», переходит на стандарты НАТО.

В отличие от описанных выше тенденций, в 2006 году продолжилось сближение с Россией стран Центральной Азии и развитие региональных форматов сотрудничества, прежде всего ШОС, ЕврАзЭС (см. подробнее раздел «Центральная Азия»).

«Замороженные конфликты»

Обострение проблемы неурегулированных конфликтов на постсоветском пространстве в 2006 г. обусловлено рядом факторов.

Первый – связан с «казусом Косово». Решения косовской проблемы как *создания международного прецедента* в 2006 г. ожидали все непризнанные образования и государства, сталкивающиеся с сепаратизмом. Остро стоявшая и широко обсуждавшаяся в первой половине – середине 90-х гг. дилемма «государственный суверенитет и нерушимость границ *versus* право наций на самоопределение» вновь вышла на первый план международной повестки дня.

Дебаты о том, насколько «прецедентен» казус Косово, на практике упираются в вопросы:

- а) способности самостоятельного выживания непризнанных территорий и/или
- б) возможности их включения в состав других государств (т.е. смены т.н. «материнских государств») или интеграционных образований
- в) степени конфликтности возникающих в результате этих изменений новых геополитических раскладов и балансов сил.

По сути, единственным принципиальным отличием казуса Косово от других является потенциальная готовность к дальнейшему включению и края и материнского государства Сербии в состав одного сильного интеграционного объединения – ЕС. Что обеспечивает как выживание и развитие территории, так и снятие озабоченностей указанных в пункте «в». Так же очевидно, что Евросоюз не готов даже в долгосрочной перспективе к аналогичному решению в отношении постсоветских конфликтов. Поэтому его позиция по сохранению нынешних границ в СНГ остается неизменной.

Вариант аналогичного урегулирования названных постсоветских конфликтов теоретически возможен лишь посредством интеграции непризнанных территорий в СНГ. Однако слабость этого образования, стратегически разновекторные интересы вовлеченных в данные проблемы государств (России, Грузии, Молдавии, Армении, Азербайджана, отчасти Украины), не обеспечивают условий для решения указанных проблем.

Второй фактор – политика Тбилиси, стремящегося решить южно-осетинскую и абхазскую проблемы а) как средство укрепления режима, б) как устранение барьера для вступления в НАТО (впрочем, схожие проблемы Турции не мешают ее членству в альянсе), в) как средство снижения влияния России в регионе. Аналогичные цели и характер имели и действия Киева и Кишинева, которые ввели блокаду Приднестровья.

Третий фактор – действия руководства самих непризнанных образований, использовавших ситуацию для укрепления своих режимов (путем референдумов и выборов), привлечения внимания международного сообщества, но главное – для того, чтобы поставить Москву в условия, когда она была бы вынуждена четко артикулировать свою позицию.

В итоге можно констатировать, что, несмотря на высокий международный профиль обсуждения данной проблемы в 2006 г., в ее решении не произошло существенных подвижек:

- статус территорий не изменился. Прямо и косвенно поддерживая действия руководства непризнанных республик, включая предоставление им трибуны на государственных каналах ТВ, Москва, тем не менее, не перешла условную грань. В.Путин на международном уровне многократно подтверждал неизменность российской позиции о сохранении суверенитета и целостности ННГ. Достижение компромисса с Кишиневом и, ранее, снятие блокады Киевом обеспечивает решение экономических проблем России и ее бизнеса в Приднестровье;
- продемонстрированная неготовность основных западных партнеров Тбилиси идти на обострение отношений с Москвой по вопросу о непризнанных образованиях может в 2007 г. уменьшить давление Грузии в этом направлении;
- дальнейший уровень поддержки Москвой правящих режимов этих территорий, равно как и открытость к совместным с Евросоюзом действиям по урегулированию конфликтов, будет зависеть от а) общего состояния отношений РФ – ЕС, а также б) отношений России с Грузией.

Фактор Казахстана

В 2006 г., особенно в ходе ноябрьского саммита СНГ в Минске, наметилась возможность смены интеграционной парадигмы Содружества: от односторонней, ориентированной на Россию конструкции к формированию «двуглавого» (Москва – Астана) интеграционного ядра. Такая динамика в целом более адекватна текущим тенденциям.

Во-первых, она отражает возросшую роль Казахстана на постсоветском пространстве и общее укрепление его экономических и политических международных позиций. Доказательство тому – визит в Астану, непосредственно после посещения Москвы осенью 2006 г. госсекретаря США К.Райс. И Вашингтон, и Брюссель открыто признают, что для них лояльность Казахстана как ключевого игрока в большом каспийско-центральноазиатском регионе существенно важнее, чем соблюдение страной демократических норм. Такой подход фактически дезавуирует претензии к режиму Н.Назарбаева как недемократичному.

Во-вторых, Казахстан становится:

а) ключевым партнером для России, которая не делает секрета из того, что не сможет стать энергетической супердержавой без среднеазиатского газа. Строительство обходных газопроводов из Казахстана – как на запад, по маршруту Баку–Тбилиси–Джейхан, так и на восток, в Китай – отсечет Россию от газа Туркмении и Узбекистана. Важное значение для углубления партнерства имела встреча В.Путина и Н.Назарбаева в октябре в г. Уральске, где было подписано соглашение о совместной эксплуатации одного из крупнейших в мире казахского Карачаганакского нефтегазоконденсатного месторождения. Астана получила 50% акций Оренбургского газоперерабатывающего завода;

б) главным конкурентом России в Евразии. Эксперты прогнозируют, что в ближайшие годы Россия уступит лидерство по объему валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения Казахстану. Рост ВВП республики в 2006 году, вместо запланированных ранее 9%, составит не менее 10% (10,6%), что в полтора раза больше, чем в России. Если разрыв в темпах роста экономики сохранится на том же уровне, то уже через пять-шесть лет Казахстан обгонит Россию по этому показателю. Если же рост российской экономики замедлится в ближайшие годы на 2–3%, то свое первенство в СНГ по ВВП на душу населения Россия утратит еще раньше.

Сохраняющаяся уже много лет разница в темпах экономического развития позволит Казахстану в ближайшие годы догнать и перегнать Россию по удельным показателям. Так,

по данным Всемирного банка, на сегодня ВВП на душу населения по официальному обменному курсу в Казахстане составляет 2930 долларов, тогда как в России – 4460 долларов. Однако с учетом реальной покупательной способности национальных валют разница душевого ВВП между Россией и Казахстаном значительно меньше: 10 897 долларов в России и 8515 долларов в Казахстане. При сохранении нынешней динамики ВВП в обеих странах через пять-шесть лет душевые показатели ВВП в России и Казахстане сравняется, достигнув уровня в примерно 15 тыс. долл., после чего Россия начнет отставать от своего соседа.

При сохранении текущих тенденций и политической стабильности в стране, Казахстан станет для России еще более серьезным конкурентом в борьбе за иностранные инвестиции. Равно, особенно учитывая новое ужесточение Москвой миграционной политики, непоследовательность действий по этому вопросу и рост национализма и ксенофобии, Казахстан станет более привлекательным рынком для дефицитной сейчас в России неквалифицированной рабочей силы.

В то же время более тесная интеграция с Россией является важным инструментом обеспечения политической стабильности в Казахстане, в условиях, как справедливо отмечают российские эксперты, незавершенной модернизации и актуальной для Казахстана, как и других стран ЦА, клановости в экономике. Россия уже является рынком для масштабных инвестиций казахского бизнеса.

В-третьих, укрепление роли Казахстана в постсоветском пространстве, формирование двуглавого интеграционного центра объективно отвечает особенностям огромного региона, ориентированного как на Запад, так и на Восток. Слабость российских позиций в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке на фоне усиления Китая, в случае реального интеграционного союза с Казахстаном, будет компенсироваться Астаной.

В-четвертых, наконец, переадресация Астане функции интеграционных инициатив, теоретически может нейтрализовать часть проблем СНГ, связанных с априорным неприятием российского лидерства, или с историческим советским негативом. Иными словами, отчасти нейтрализовать привычку соотносить современные процессы или тенденции с советским прошлым – как позитивным, так и негативным.

О том, что Н.Назарбаев будет играть эту роль (впрочем, и ранее он выступал с масштабными концепциями «новой Евразии») свидетельствует подготовка им нового плана реформы СНГ.

В 2007 г. ситуация в СНГ будет определяться:

- внутриполитическим развитием в новых независимых государствах и в России, вступающей в период выборов;
- экономической, в первую очередь, энергетической политикой России в СНГ;
- миграционной политикой Москвы;
- состоянием отношений РФ и других постсоветских государств с Евросоюзом, США и НАТО.

РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Более активное участие России в международных организациях (МО) – важный компонент нового позиционирования страны, возвращающейся после затяжного кризиса на международную сцену, равно как и инструмент формирования ее позитивного имиджа. В то же время формирование позитивного восприятия России в МО требует не только и не столько имиджевой работы, сколько стратегического и практического видения роли этих организаций и роли в них России.

Современная структура МО с точки зрения масштаба их охвата, состава участников и моделей управления очень разнообразна. Россия является членом *всех типов* международных организаций, включая международное корпоративное управление, на стандарты которого (ISO, SA 8000) в начале 2000-х гг. перешло большинство российских компаний, активных на мировых рынках и с участием иностранного капитала. Переход на международные корпоративные стандарты был необходимым условием их развития и роста капитализации.

Логичен в этой связи вопрос: насколько соответствует росту международной и национальной «капитализации» участие России в тех или иных МО? Насколько предпринимаемые для этого усилия соответствуют реальным и/или имиджевым дивидендам и/или рискам?

Во-первых, ответы на эти вопросы зависят от влияния, состояния и перспектив МО, большинство из которых были созданы в соответствии требованиями биполярного мира. В связи с кардинальным изменением ситуации, в течение последних 15 лет МО либо трансформируются (НАТО, ЕС), либо нуждаются в реформировании (ООН, ОБСЕ). Учитывая широкое противодействие процессам, доминировавшим в последние 5-10 лет – глобализации, унилатерализму США, переходный период в МО может затянуться. Можно предположить, что в обозримой перспективе он будет зависеть от более традиционных геополитических факторов. От того, как сложится баланс сил в мире: уменьшится ли и насколько роль США; удастся ли вновь настроить разладившийся механизм трансатлантического сотрудничества; сможет ли и насколько быстро консолидироваться Европейский Союз; насколько возрастет роль Китая, Индии и других бурно развивающихся стран; насколько удастся нивелировать давление беднейших стран, в том числе и миграционное; как будет позиционировать себя Россия.

Нельзя исключать, что в новой геополитической ситуации МО с «клубным управлением» (в первую очередь **«большая восьмерка»**) уступят первенство традиционным международным организациям, действующим на основании уставов, прежде всего ООН. Подобная ситуация уже имела место в 70-х гг. 20 в.: очень влиятельные в период разрядки неформальные элитные группы – Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия – затем отошли на второй план, оставаясь «мозговыми центрами», но не участвуя напрямую в разработке и принятии решений. То же самое в обозримой перспективе может произойти и с «большой восьмеркой». В этом случае у ведущих держав, и в первую очередь США, появятся реальные стимулы к реформированию **ООН**. Соответственно, традиционно высокое внимание России к ООН и Совету безопасности, должно лишь усилиться и актуализироваться.

Во-вторых, ответ на поставленные вопросы определяется содержанием деятельности МО и участием в них России. Кроме организаций, специализирующихся в одной сфере (как ВТО в международной торговле), МО занимаются ключевыми проблемами международной жизни, которыми в обозримой перспективе останутся международная безопасность (включая

нераспространение ОМУ, противодействие терроризму, урегулирование конфликтов) и международная энергетическая безопасность. Это делает участие России – через членство или партнерство – в деятельности МО если и не всегда «желанным» для их членов, то весьма желательным и/или необходимым. Таким образом, объективные предпосылки для активного участия России в МО налицо.

Подводя итоги 2006 года

2006 г. планировался как прорывной в решении задач по укреплению позиций России в международных организациях и формированию ее позитивного образа. Объективно этому способствовала заинтересованность Запада в разработке стратегии энергетической безопасности и благоприятное стечение обстоятельств: председательство России в Г8 и в Комитете министров Совета Европы, необходимость подготовки нового соглашения между РФ и ЕС взамен СПС, срок которого истекает в 2007 г. (особенно учитывая благорасположенность Финляндии и Германии, президентствующих в ЕС).

«Имиджевая компонента» была одной из основных в подготовке к саммиту Г8. Однако активное продвижение позитивного образа России в мире натолкнулось на не менее масштабную контр-волну выступлений и публикаций. Вкратце их суть сводилась к тезису о возвращении России к имперской политике с заменой ядерного оружия на энергетическое, о ее недемократичности, а значит, неуместности участия в объединениях демократических государств. К концу года этих выступлений стало больше.

Краткие итоги 2006 г. неутешительны:

- саммит «восьмерки» состоялся, но не повысил статус группы и ее эффективность в международных делах;
- не удалось продвинуться в разработке нового соглашения с ЕС;
- на декабрьской встрече ОБСЕ глава МИД РФ С.Лавров высказался в том смысле, что может встать вопрос о дальнейшем членстве в ней России;
- в СНГ продолжают усиливаться дезинтеграционные тенденции. Восприятие России в ННГ, в связи с ужесточением миграционных правил и усилением националистических настроений (Кондопога), не улучшается.

В позитиве – преодоление последнего, самого трудного барьера на пути в ВТО.

Особенности формирования позитивного образа России в/через МО

Формирование позитивного образа России – задача повышенной сложности. Для этого необходимо:

- а) снизить остроту восприятия стереотипов советской эпохи (ставить задачу их нейтрализации нереально: еще не зажили раны, а в текущей российской политике время от времени проявляются черты, но чаще риторика, живо напоминающие былое);
- б) исправить те искажения восприятия России и россиян, которые возникли в 90-х гг.;
- в) с помощью формирования позитивного образа скорректировать собственно процесс нового позиционирования.

Однако главным просчетом 2006 года был недоучет внутренних аспектов. Так как образ, даже если он нацелен вовне, работает и во внутренней, национальной среде. Тем более, что Россия – информационно открытая страна. Жесткое позиционирование Москвы в отношении

Грузии, например, моментально выразилось во всплеске национализма и ксенофобии в России.

Между тем, позитивный внешний образ может быть и мощным внутренним стабилизатором. Пример тому – ход и освещение внутри страны и за рубежом вступления России в ВТО. Широко освещавшаяся в национальных и зарубежных СМИ дискуссия с участием различных групп интересов (stakeholders), открытая демонстрация через публикации, выступления на семинарах, конференциях наличия серьезных внутренних проблем и противоречий в России в связи со вступлением в ВТО создавала образ России как страны с действующим гражданским обществом. Это, кстати, помогало и российским переговорщикам добиваться более выгодных условий вступления.

Тот же подход вполне применим к другим международным институтам, независимо от того, является ли Россия их членом, или нет.

Выбрав путь невступления в *Евросоюз*, Россия, тем не менее, рассматривает партнерство с ним как важнейший приоритет. ЕС – главный торговый партнер России. Взаимодействие с ЕС повышает как ее реальную, так и имиджевую капитализацию. Формально главной проблемой в разработке нового соглашения РФ-ЕС стал отказ России подписывать Договор об Энергетической хартии и Транзитный протокол к ней в их нынешнем виде, хотя анахронизм хартии очевиден и для европейцев. Реально Европа обеспокоена высокой зависимостью от России в энергетической сфере. После январского «газового конфликта» между Россией и Украиной, а также проблем, возникших у западных компаний, работающих в энергетической сфере в России, доверие ЕС к России снизилось. Но необходимость в сотрудничестве осталась.

В 2007 г. перед Россией в этой связи стоит задача восстановления доверия. Это станет возможным, если разъяснить европейцам суть долгосрочных национальных интересов России в энергетической сфере, а также ее видение развития отрасли в целом. Евросоюз понимает важность защиты стратегических национальных интересов – если, конечно, это не интересы одной малопрозрачной компании-монополиста. (При вступлении в ВТО, кстати, внутренние низкие цены на газ были главным камнем преткновения, но этот вопрос удалось урегулировать, сохранив для российского населения и производителей естественные преимущества на переходный период). Большая открытость, прозрачность при обсуждении этой важнейшей проблемы внутри страны, участие в ней политиков, экспертов и бизнеса могут в определенной мере компенсировать возникшее недоверие.

Дефицит доверия – проблема обоюдная, ибо Москва рассматривает Брюссель как конкурента в борьбе за влияние на постсоветском пространстве. Действительно, через Планы действий ЕС активно воздействует на страны *СНГ*. Евросоюз не признает как открытое демократическое волеизъявление выборы в Белоруссии, а также выборы и референдумы в непризнанных Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии. В то же время ЕС однозначно не рассматривает планы дальнейшего расширения на Восток: как в силу внутренних проблем, так и потому, что стабильные отношения с Россией для ЕС приоритетны.

Перед Россией в данном случае стоит вопрос адекватного самовосприятия и оценки собственной привлекательности как интеграционного ядра для новых независимых государств. Даже наиболее активные сторонники интеграции СНГ в России поддерживают жесткую экономическую, в первую очередь энергетическую, линию в отношении ННГ, так как преференциальная политика «облегчает процесс вступления постсоветских стран в ЕС». Однако, вряд ли удастся изменить евроориентацию ННГ. Она обусловлена настроениями новых элит, стремящихся реформировать режимы, прежде всего – чтобы удержать власть.

Усилия по укреплению СНГ в обозримой перспективе вряд ли повысят капитализацию – политическую, социально-экономическую, имиджевую – России. Тем более, что ставка на

СНГ на уровне риторики не совпадает с политической практикой: Москва давно переключилась на двусторонний формат отношений с ННГ. Неизбежные параллели с недавним прошлым делают СНГ контрпродуктивной для формирования позитивного восприятия России как *современного* ведущего мирового игрока. СНГ не стало – и не могло стать «историей успеха». Оно априори ассоциируется с прошлым. Между тем, открытая ставка на развитие прагматичных двусторонних отношений будет способствовать восприятию российской политики как прозрачной и предсказуемой.

Особый интерес для позиционирования России как великой державы и формирования соответствующего позитивного образа представляют российско-украинские отношения, которые развиваются весьма прагматично. Кооперация в военно-технической сфере сокращается. Конкуренция в других отраслях (металлургической, пищевой и пр.), воспринимается как норма. Обе страны планируют регулировать ее через ВТО (идет борьба за то, кто первым станет ее членом). Все это создает условия для пересмотра и/или дезавуирования крайне невыгодного для России известного тезиса Бжезинского о том, что Россия «не может быть великой державой без Украины».

Противодействуя распространенному убеждению в неспособности к эффективному и демократическому управлению, Москва должна уделять большее внимание *Совету Европы (СЕ)*, членом которого Россия является. Россия может встать на сторону СЕ в его соперничестве с ЕС за сферу проблематики прав человека, стремиться к одобрению СЕ принимаемых в России законов, активнее обсуждать несовершенства законодательства в других странах. Именно в СЕ имеет смысл позиционировать Россию, как неразрывно увязывающую энергетический диалог с проблемами экологии.

К понятию «великая держава»

По данным международного социологического исследования, проведенного по заказу немецкого фонда Бертельсмана, Россия занимает шестое место (27 %) в рейтинге ведущих держав после США, Китая, Японии, Великобритании, Европейского союза. 55% респондентов считают, что в 2020 году сверхдержавой станет Китай.

Лишь 20% респондентов назвали военный фактор определяющим. Главными вызовами для великих держав были названы международный терроризм, бедность и изменения климата. При этом многие считают необходимым усилить роль ООН в будущем. А главными критериями, по которым государство можно отнести к великой державе, респонденты считают экономическая мощь, политическая стабильность, достижения в области науки и образования.

Учитывая, что Китай и Европа делают стратегическую ставку на инновационное развитие и модернизацию как путь к сохранению позиций в стремительно меняющейся геополитической обстановке, Россия безотлагательно должна сделать для себя соответствующие выводы. Это же – верный путь к сильным позициям в международных организациях и позитивному имиджу. Тем не менее, благоприятные обстоятельства не были в полной мере использованы, а восприятие России в 2006 г. ухудшилось.